

Влада Ольховская

ТРИ ЦВЕТКА ИНДОНЕЗИИ

Знак Близнецов

Влада Ольховская
Три цветка Индонезии

«Влада Ольховская »

2022

Ольховская В.

Три цветка Индонезии / В. Ольховская — «Влада Ольховская », 2022 — (Знак Близнецов)

Популярная модель погибла в прямом эфире на глазах у тысяч шокированных зрителей. Казалось, что убийцу найдут легко и быстро, но дело зашло в тупик. Разобраться в случившемся мог бы следователь Ян Эйлер, однако он вынужден сдерживаться: слишком решительные действия с его стороны могут стоить жизни его бывшей возлюбленной. Чтобы избежать новых трагедий, Яну и его сестре Александре предстоит пройти по тонкой грани между правдой, способной убить, и историей, выпускающей демонов прошлого.

© Ольховская В., 2022

© Влада Ольховская , 2022

Содержание

Пролог	6
Глава 1	11
Глава 2	19
Глава 3	28
Глава 4	36
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Влада Ольховская

Три цветка Индонезии

У Индонезии три национальных цветка.

Нежные лепестки лунной орхидеи поражают красотой, благородной, чуть потусторонней.

Белый жасмин пленяет нежным ароматом.

А за ними притаился редкий кроваво-красный цветок: раффлезия. Цветок-хищник, цветок-паразит. Лишенный листьев, стеблей и самой связи с землей. Выпивающий жизнь из других растений. Обманывающий и своего носителя, и насекомых, которых он привлекает. Раффлезия скрывается в стебле другого растения до последнего, а потом появляется из коры – и безжалостно разрастается, становясь одним из самых крупных цветков на планете.

Орхидея пахнет южной ночью, жасмин пахнет соблазном, раффлезия пахнет только смертью.

Пролог

Осень, 2021

Когда она впервые попала в этот подвал, она бросалась на дверь с такой силой, что случайно вырвала себе два ногтя и сломала палец. Ничего больше она не добилась: дверь была сделана из добротного дерева и запиралась на несколько замков. С внутренней стороны остались только глубокие царапины, перепачканные кровью – сомнительное достижение, за которое никак не стоило платить такую высокую цену. Поэтому от яростных атак Алиса решила отказаться.

Она и в лучшие времена вряд ли сумела бы вырваться из этой клетки. Но в лучшие времена она поборолась бы за свою свободу! Алиса не была обучена драться, как, скажем, Александра Эйлер. Но за собой она следила, по праву гордилась своей спортивной подготовкой, она бы не сдалась без боя. Это было тогда, раньше, еще до февраля, до того дня, когда она узнала, что теперь ей предстоит заботиться о двоих.

И вот в августе, когда все случилось, она стала другой. До родов оставалось больше двух месяцев, но Алиса уже изменилась, двигаться стало куда тяжелее, чем раньше. Любая мысль о драке неизменно утыкалась в страшные картины выкидыша, подброшенные ее воображением. Она приучила себя быть спокойной.

В машину к Жене она и вовсе села добровольно. С чего бы ей заподозрить неладное? Это когда-то давно она поступила глупо, согласившись прокатиться с первым встречным. Теперь она знала его, собиралась за него замуж, любила его – Алиса завела привычку повторять это себе каждое утро.

Она была даже рада, что Женя предложил эту загородную поездку. Алиса беспокоилась за него из-за нелепого расследования, которое он попытался устроить. Настолько беспокоилась, что даже подумывала обратиться за помощью к Яну Эйлеру. Но того, к счастью, не было в городе, и Алиса решила, что это судьба подает ей знак: не нужно возвращаться к прошлому, все решится само собой.

Оно и решилось: Женечка, до недавних пор нервный и раздражительный, наконец успокоился, снова стал улыбаться ей, как раньше. Он предложил поехать за город, на дачу его друга, провести несколько дней наедине – только он, она и природа.

Алиса без сомнений согласилась. Во-первых, им с Женей и правда было полезно побыть наедине и решить все накопившиеся проблемы. Алису напрягал тот факт, что ее начал пугать отец ее ребенка. Во-вторых, в городе все еще было беспокойно из-за этой ситуации с вирусом. Летом стало чуть легче, и все же... Сейчас чем дальше от людей – тем лучше. Поэтому Алиса предупредила своего врача, что какое-то время не будет появляться на консультациях, отправила письмо начальнику, собрала сумку и покинула город.

Их долгое путешествие на машине, пожалуй, и стало той чертой, за которой осталась счастливая жизнь. Само путешествие прошло отлично – Женя был бесконечно мил с ней, смеялся, шутил, останавливал автомобиль по первому требованию и без сомнений оставлял Алису одну. Кто догадался бы на ее месте, как все обернется? Уже потом, оказавшись в заточении на долгие дни, она вспоминала эти часы, силилась найти момент, когда она проглядела предупреждение, – и не могла. Женя безупречно играл свою роль до конца.

В дом, роскошный, затерянный на лесном участке, она входила с улыбкой. А потом была лестница, открытая дверь в подвал – и резкий толчок в спину.

– Извини, любимая, но какое-то время тебе предстоит пожить здесь.

Он снова изменился – вернулся этот лихорадочный взгляд, дрожали руки, на лбу проступила испарина. Нечто подобное происходило с Женей уже давно, с тех пор как он влез в

расследование, а теперь стало хуже. До Алисы лишь сейчас дошло, что он всю дорогу притворялся, а вот это – его настоящее лицо. Получается, глупо думать, что он снова стал таким – он таким и был, просто обманул ее. Не первый раз уже.

– Жень, ты меня пугаешь, – напряженно произнесла Алиса, все еще стараясь улыбаться. Она подозревала, что со стороны ее улыбка смотрится совсем уж жалкой. – Дай мне выйти, пошутил – и хватит.

– Но я не шутил.

– Жень!

– Так нужно, – указал он. – Сейчас ты этого не поймешь, возможно, даже возненавидишь меня. Но потом, когда все станет ясно... Я защищаю тебя. И нашего ребенка тоже.

– От кого?

– Это тебе тоже знать опасно.

– Ага, мне опасно знать все, что доказывает – ты не двинулся кукухой. Потому что нет таких доказательств! – не выдержала Алиса. – Мне нужно домой, а тебе – к врачу! Пусти!

– Я уже сказал, нет.

– Я закричу!

– Кричи, – позволил Жень. – Соседи далеко, сегодня будний день, тут нет никого. Тебя никто не услышит.

Она не собиралась с этим мириться. Алиса рванулась вперед, к дверному проходу, который закрывал собой Жень. Но вырваться на свободу, конечно же, не получилось: она стала слишком медленной и неповоротливой, Жень без труда удержал ее.

– Прекрати дергаться, – велел он куда строже. – Ребенок может пострадать.

– Это и твой ребенок тоже!

– Да, и я не хочу, чтобы ему было плохо. Но все может произойти случайно, а врач сейчас очень далеко, Алиса!

Даже сквозь ярость эти слова обожгли, заставили признать, что Жень прав. Силой она не вырвется – потому что нет у нее достаточной силы. Глаза уже щипали слезы, и Алиса не представляла, сколько сможет их сдерживать.

– Зачем ты делаешь это? – прошептала она.

Но ответ снова ничего не прояснил:

– Потому что так надо. Прости.

Вот тогда Жень и запер ее здесь. Подвал в этом доме был совсем не похож на угрюмое подземелье. Скорее, это была полноценная комната отдыха, большая – с диваном, телевизором, книжной полкой, с сауной и собственным душем. Но роскошная клетка все равно остается клеткой, в которой Алисе совсем не хотелось жить.

Только вот что она могла? Ее телефон остался в сумке, сумка – в машине. Жень сказал, что сам отнесет это в дом, и она приняла его слова за заботу. А он все продумал... интересно, когда? И зачем?

Не важно, с этим будут разбираться следователи. Жалеть несостоявшегося супруга Алиса не собиралась, она признавала, что свою жизнь придется строить по-новому, но сначала нужно выбраться отсюда.

Остаток дня она потратила на осмотр своей темницы, надеясь найти хоть что-то – запасной выход, городской телефон, окошко, через которое она сможет выбраться наружу. Бесплезно, Жень никогда не был дураком. Наверняка он и сам изучил этот проклятый подвал, прежде чем привезти сюда Алису.

Жень приходил к ней, приносил еду, пытался говорить. Она не обращала на него внимания, как на назойливое насекомое. Он наконец сообразил, что ничего не добьется, и на ночь оставил Алису в покое.

Вот тогда она и сорвалась, сдали нервы. Она понимала, что нужно держаться, вести себя разумно и даже мудро, она ведь будущая мать! Но в этот год вместились слишком много такого, чего она в своей жизни видеть никогда не мечтала. Алисе было страшно, одиноко и обидно. Ей почему-то показалось, что если стараться достаточно усердно, все обязательно получится.

Не вышло. Жизнь – не сценарий голливудского фильма, на одном энтузиазме далеко не уедешь. Схватка с дверью была выиграна, по большому счету, дверью. Алиса в итоге сжалась в комок на полу, прижимая к груди поврежденную руку. Такой ее и нашел утром Женя – заплаканной, среди высохших кровавых разводов.

Он испугался за нее, искренне, это было видно. Но... все равно не выпустил. Он мягко упрекал ее, отвел за стол, перебинтовал руку и кое-как закрепил импровизированной шиной палец. Алиса подозревала, что неправильно и это ей еще аукнется, однако сопротивляться и что-то исправлять не было сил. Она равнодушно наблюдала, как он замывает кровь на полу и двери. Алиса чувствовала себя вымотанной и приговоренной.

Силы вернулись через пару дней, но боль в заживающих пальцах намекнула, что биться головой о безжалостное дерево – сомнительная затея. Алиса напомнила себе, что физически она, может, и стала слабее, но разум все еще на ее стороне. Тот, который позволил ей допустить немало ошибок – но который обеспечил все ее победы. Ей нужно было думать, анализировать ситуацию и через это, возможно, спастись.

Она так и не поняла, что произошло с Женей. Алиса могла лишь отметить, что не было в его перевоплощении ничего внезапного, неладное творилось с ним уже давно, и она даже замечала это, просто отказывалась воспринимать ситуацию всерьез. Ей казалось: если он попадет в настоящую беду, он поделится с ней, обязательно! А получилось вот как...

Она пыталась его разговорить. Женя ведь по-прежнему заходил к ней, приносил еду, но из подвала никогда не выпускал. Алиса сделала вид, что смирилась, она больше не устраивала драки, она выполняла все его распоряжения. В награду она получала общество Жени и долгие разговоры с ним, которые делали ее одиночество не таким угнетающим.

– Это ведь из-за того дела, да? – осторожно допытывалась она. – Из-за той страшной истории?

– Да, – он всегда отводил взгляд, когда она говорила об этом.

– Расскажи мне.

– Не нужно тебе это знать.

– Почему? Думаешь, станет хуже? Так я ведь никому не расскажу!

– Я понимаю, прозвучит странно, но... Есть знание, которое несет угрозу. Плохо уже то, что знаю я, поэтому мы и оказались в такой ситуации. Но я все исправлю! Ты потерпи чуть-чуть, умоляю...

Он действительно вел какую-то битву – и проигрывал. Это несложно было заметить. С каждым днем Женя выглядел все хуже, он определенно мало спал и забывал поесть, он похудел, он казался больным. Изоляция, в которой оказалась Алиса, уже была опасна. Но изоляция с человеком, который постепенно теряет рассудок, оказалась совсем уж угнетающей.

Смирившись с тем, что она не узнает всю правду, Алиса попробовала сыграть на отцовских чувствах. Женя не сомневался, что ребенок от него, и ребенка этого он, несомненно, любил. Алиса пыталась доказать, что ей нельзя проводить последние месяцы беременности в таких условиях – и уж тем более рожать прямо на полу!

Вот только Женя и тут не поддался.

– Вся беременность проходила хорошо, ты сама сказала, что нет оснований беспокоиться.

– Это было до того, как меня замуровали! Женя, да очнись же ты! Куда я рожу, тебе в ладошки? Мне нужна медицинская помощь!

– Время еще есть, я все решу...

– Не надо ничего решать, надо меня выпустить! Я даже в полицию не пойду, обещаю. Ты можешь заниматься, чем хочешь, но дай мне уйти!

– Это слишком опасно.

– Ты забыл, кто я? Мне помогут – Денис, Ян...

– Эйлера только в этой истории не хватало, – поморщился Женя. – Слушай, ну ты же так прекрасно себя вела... Дальше продолжай, а? Просто живи здесь и ни о чем не беспокойся, с остальным разберусь я.

Но чем больше времени проходило, тем сложнее Алисе было не беспокоиться. Дни пролетали незаметно, она давно потеряла им счет. Единственное окошко в подвале было закрыто мутным стеклом и укреплено металлической решеткой. Алиса не могла выглянуть наружу, она даже не представляла, еще лето сейчас или уже осень.

Она долго не теряла надежду – сколько могла. Но она надеялась не на то, что Женя образумится или действительно разберется со своими проблемами. Она надеялась на Яна. Он должен найти ее – и своего ребенка! Теперь, после бесконечно долгого заточения и очевидно нарастающего безумия Жильцова, она предпочитала думать, что ребенок, которого она носит, не имеет к этому человеку никакого отношения. Ян ведь следователь, он уже понял, что она не уехала, а пропала, он придет – и вот тогда Женечку самого от этой двери отскребать придется!

Однако время неумолимо продолжило идти вперед, а Ян Эйлер так и не пришел за ней. Алиса не знала, почему. Ей не хотелось гадать. Страх уже не покидал ее, держал ледяной хваткой. Время родов приближалось, и она боялась даже думать о том, что сделает с ней и новорожденным младенцем этот псих. У Алисы больше не было сил вести с Женей мирные беседы и притворяться, будто все в порядке. Когда он спускался в подвал, она без сомнений выкрикивала все, что думает, пару раз даже пыталась сбежать. Но Женя без труда удерживал ее и смотрел как на неразумного ребенка, который пытается ложкой выковырять себе глаз и страшно обижается, когда взрослые его останавливают.

На Алису все чаще накатывала апатия, выматывающая, беспросветная. Ей казалось, что там, за стенами ее каменной клетки, наступил апокалипсис, вот что скрывает от нее Женечка. И не существует больше ни Яна, ни Александры, ни мамы, ни всех ее друзей. Осталась только она – и человек, которого она никогда не любила, сколько бы ни приучала себя его любить. Но ведь сначала казалось, что это отличный план! Кто же знал, что все закончится концом света?

Алиса была уверена, что если ее не спасли сразу, то уже и не спасут, Женин чудовищный, разрушительный план удался по всем пунктам. А потом что-то все же изменилось.

Это произошло не ночью даже, когда обычно случается все самое страшное, а днем – день и ночь крошечное мутное окошко различать позволяло. Алиса обессиленно лежала на диване, сосредоточившись на движении младенца в ее теле. Вот тогда сверху донесся жуткий грохот, от которого она вздрогнула, вскочила на ноги так резко, что закружилась голова. Алиса не знала, как это понимать, она замерла, прислушиваясь – хотя прислушиваться было не нужно. Там, прямо у нее над головой, стало громко.

Там были люди! Всю бесконечность ее заточения Женя оставался единственным, кто делил с ней крышу над головой. Алиса частенько слышала его шаги, иногда – отзвуки его голоса, но никогда – ответы. То есть, он или говорил по телефону, или окончательно спятил и беседовал сам с собой.

Но не теперь, нет. Теперь там громыхали шаги и звучали уверенные мужские голоса. Голоса тех, кто приказывает, а не заискивает. Алиса обрадовалась – в эти первые минуты, когда она поняла, что в дом ворвалась большая группа мужчин. Ей почему-то показалось, что это может быть только полиция, других вариантов нет. Ян все-таки отыскал ее, теперь все будет хорошо!

Но хорошо не было, ни для кого. Очень скоро вслед за голосами зазвучали крики – всего один голос, в котором она с трудом узнала Женин. Казалось бы: за столько месяцев совместной

жизни могла бы хорошо его изучить и узнавать за секунду. Вот только его голос слишком сильно изменился под влиянием боли и не страха даже, а чистого звериного ужаса. Что бы ни происходило сейчас наверху, это было больше, чем нападением – это было пыткой. Мужчины оставались спокойны, их голоса звучали ровно. Женя кричал все громче, все отчаянней.

Алиса сорвалась с места, забилась в угол, замерла там, дрожащая, обеими руками закрывающая живот. Она понимала, что это ее не спасет, подвал можно обыскать за пару минут. Она просто не представляла, что еще можно сделать.

Наконец крики оборвались, а голоса – нет. Они звучали чуть громче, не испуганно, а возбужденно... Как будто им понравилась пытка – или без «как будто»? Алиса боялась даже думать о том, что сейчас сделают с ней. А сопротивляться она не сможет – раз даже Женя не смог... Этих людей он боялся с самого начала? Из-за них запер ее, увез на край света? Но как же это глупо, как нелепо... В городе они еще могли позвать на помощь, а здесь – уже нет. Получается, он сам вырыл им яму, вот только затихшие крики намекали, что обвинять в этом уже некого.

Поэтому свою судьбу Алиса ждала без мыслей, без надежд, в испуганной безысходности. А мужчины наверху не торопились, они зачем-то расхаживали по дому, переговаривались, смеялись даже. Они ни в чем не раскаивались, они были хозяевами положения.

Первым до нее добрался не один из незнакомцев, а дым – черно-серый, едкий, пробирающийся сквозь щели под дверью и решетку вентиляции.

Они подожгли дом?..

Они подожгли дом!

Сомневаться в этом долго не получилось, дыма становилось все больше, Алиса уже чувствовала нарастающий жар. Еще минуту назад ей казалось, что ее ни в коем случае не должны обнаружить, а теперь выяснилось, что сгореть заживо – тоже сомнительная перспектива. Алиса сама покинула убежище, она снова стучала кулаками по двери – пусть и не так отчаянно, как раньше.

Дышать становилось все сложнее, она кашляла, глаза застилали слезы – она не знала, от дыма они, от страха или от всего сразу. Живот кольнула резкая острая боль, но Алиса не могла сейчас отвлекаться на это.

– Помогите! – крикнула она. – Я здесь, выпустите меня! Я в плену, я не знаю человека, который живет в этом доме, я беременна!

Она не сомневалась, что наверху сейчас ревел пламя – слишком уж быстро нарастал жар, от легкого огонька такого не будет. Алиса не представляла, смогут ли ее услышать, захотят ли прийти на помощь...

Ее все-таки услышали, но на помощь это похоже не было. Дверь распахнулась так резко, что Алису просто отшвырнуло в сторону. Она, ослабшая, задыхающаяся, не сумела удержаться на ногах, повалилась в клубы черного дыма, и он, как змея, набросился на нее, выжигая глаза, забирая остатки воздуха. Кашель вырывал из нее выдох – а сделать вдох уже не получалось. Мир вокруг нее стремительно темнел, звуки становились глухими, словно Алисе заткнули уши.

Она не видела мужчин, теперь стоявших над ней, но сумела различить их слова.

– Это еще что такое? Что она здесь делает?

– Какая разница? Добивай сучку!

– Но она же беременна...

– Добивай, я сказал!

Это было последним, что услышала Алиса. Дым, в отличие от нападавших, не сомневался, он уверенно брал свое – и он утащил ее в пустоту.

Глава 1

Декабрь, 2021

Карниз, очерченный золотым сиянием фонарей, казался занесенным над ними лезвием. Забавно даже: дом совсем невысокий, а карниз далекий такой. Должно быть, потому что с первого взгляда понятно: тот, кто оттуда упадет, в живых точно не останется. Всего один шаг – и человек с именем, мечтами и десятками связей с миром превратится в кровь и тело на асфальте.

Мысли были неприятными, от них становилось холоднее, чем от декабрьского ветра, и Александра невольно поежилась. А вот Андрей, стоявший рядом с ней, остался совершенно спокоен. Он смотрел на далекую крышу задумчиво, без страха – это Александра боялась за двоих.

– Значит, оттуда? – только и спросил он.

– Да.

– Совсем этого не помню... Я ведь старался! Но от того дня, знаешь, как будто отдельные картинки остались, и крыши среди них точно нет.

Дом очень изменился за этот год. Когда Александра была здесь последний раз, еще шли строительные работы, жильцов выселили, за опустевшими подъездами никто не следил. Это и позволило Андрею, едва державшемуся на ногах от дикой смеси алкоголя и наркотиков, добраться до крыши.

Теперь же реконструкцию завершили, дом был похож на покрытый глазурью пряник – аккуратный, цвета топленого молока, с белыми прямоугольниками оконных рам. Там сейчас уютно горел свет, мерцали на окнах новогодние гирлянды, там кипела жизнь, и о трагедии, которая могла произойти год назад, никто даже не подозревал.

Ничего ведь не случилось... А если бы и случилось, жильцы не придали бы этому значения. Мир циничен и сосредоточен на собственной жизни, весть о несчастном самоубийце вызвала бы раздражение, а не жалость. Псих какой-то, придумал тоже – с приличного дома прыгать! Шел бы на мост, в самом деле...

Сосредоточившись на этих мыслях, Александра даже не заметила, как Андрей подошел ближе и обнял ее за плечи. От неожиданного прикосновения она вздрогнула и с опаской покосилась на своего спутника.

– Ты как?

– Определенно лучше, чем ты, – тихо рассмеялся Андрей. – Саша, прекращай. Я не совсем понимаю, почему ты скорбишь, когда я рядом с тобой иду, и это даже настораживает.

– Я просто не хочу, чтобы ты вспоминал то время... тяжелое.

Год назад, когда она обнаружила Андрея стоящим на краю крыши, она и сама сочла его неудачником и избалованным мажором. Но теперь-то она знала, что загнало его туда... и знала, какую цену ему в итоге пришлось заплатить. Как забыть, если она каждый день видела шрамы от пулевых ранений, оставшиеся на его коже?

Но если ее это печалило, то Андрей казался удивленным – и не более.

– Как странно ты произносишь «счастливое время».

– Ты собирался прыгать с крыши.

– Я встретил тебя. Видишь? Нужно уметь правильно расставлять акценты!

– Тогда зачем ты захотел прийти сюда? – растерялась Александра.

Это ведь была его идея – найти тот дом, в котором они год назад познакомились. Гуляли они каждый вечер, если погода не становилась совсем уж отвратительной. Для них это пока было самым безопасным способом покинуть дом и провести время вместе. С традиционными

свиданиями было сложнее – со всеми мерами предосторожности и рестораны, и кинотеатры, и любые другие места все равно увеличивали риск подхватить вирус.

А для Андрея это сейчас могло стать если не смертным приговором, то большей угрозой, чем для всех остальных. Стараниями собственного папочки он и так получил серьезные проблемы с легкими. Ему пришлось еще две недели провести в больнице, где его все-таки поставили на ноги, реабилитацию он проходил уже дома. Но и Андрей, медик по образованию, и его лечащие врачи признавали, что его легкие пока ослаблены, да и иммунитет не в лучшем состоянии.

Сам Андрей относился к этому философски и считал, что риск не так уж велик. Но Александру размер риска не интересовал – до тех пор, пока он был. Слишком уж хорошо она помнила свой страх, когда чуть не потеряла Андрея сначала весной, а потом и летом. Спасибо, на один год хватило! Поэтому он мог посмеиваться сколько угодно, но ее заботу ценил и лишний раз из дома не выходил. Он и на работу начал приезжать только в конце ноября, да и то потому, что достаточно окреп, чтобы изнывать от скуки.

А вот от вечерних прогулок Александра отказываться не хотела, они ей нравились. Ее работа не стала спокойней, проблемы появлялись постоянно, но справляться с ними было легче, зная, что вечером будет эта особенная зимняя тишина, радостно бегающий по снегу Гайя и один из немногих людей, которых она по-настоящему любила, рядом с ней.

Обычно их прогулки проходили в парках и скверах, и вот сегодня Андрей предложил найти этот дом.

– Я хотел прийти сюда, чтобы проверить, что я почувствую, – невозмутимо пояснил Андрей. – Как оказалось, ничего особенного.

– Тебе не страшно? Что ты мог упасть...

– В меня потом еще стреляли, похищали, чуть не отравили... Короче, год был насыщенный, по второму кругу бояться лень. Саш, мне нужно было убедиться, что для меня эта история закончилась – и вот теперь я убедился.

Как и ее брат, Андрей знал, что она предпочитает свое полное имя. Сашей и он, и Ян звали ее, когда волновались или хотели успокоить. Значит, сейчас она выглядела как человек, который нуждается в спасении... Это рассмешило Александру, отогнало остатки неприятных воспоминаний, заставило податься вперед, чтобы легко и быстро поцеловать своего спутника, чувствуя, как тают снежинки на его губах.

– Никак не привыкну к твоим сменам настроения, – покачал головой Андрей, когда она отстранилась.

– А и не надо ни к чему привыкать, иначе мне придется искать новый способ держать тебя в тонусе. Не замерз?

– Александра, мне не семь лет, – укоризненно посмотрел на нее он.

– Это хорошо, потому что тогда меня было бы за что судить, – подмигнула ему Александра. – Пройдемся еще? Мне надо отвлечься.

Гайя терпеливо дождался их в стороне, не выпуская из пасти мячик. Именно из-за него когда-то завертелась вся эта история, он привел Александру к нужному дому. Но теперь пес, напрочь лишенный человеческой сентиментальности, видел перед собой лишь чужой тесный двор, в котором особо не побегаешь. Он был рад, когда хозяйка и ее ручной человек наконец-то отвлеклись от бессмысленного разглядывания крыши и двинулись дальше.

Год назад зима морозила город ледяным дождем, словно предрекая грядущие беды. В этом году декабрь оказался снежным, крупные пушистые хлопья падали на землю, раскрашенные новогодними огнями. Загруженные улицы остались в стороне, среди деревьев было тихо и спокойно.

Жаль только, что это спокойствие нельзя было забрать себе, нагрести в душу вместе с чистым снегом, избавиться с его помощью от тревог. Потому что они, тревоги, отступить не спешили, слишком уж плодородная почва досталась им за эти недели.

Андрей, конечно же, заметил ее состояние – он всегда замечал. Он наловчился разгадывать ее настроение так же хорошо, как Ян, а порой даже лучше. Он дал ей недолгую паузу, надеясь, что она заговорит сама. Когда этого все-таки не случилось, он спросил:

– Как дела у Алисы? Она... она справляется?

– Я не знаю, – честно ответила Александра. С ним она всегда могла быть честной, эту привилегию она научилась ценить еще с первым мужем, Эриком. – Она говорит, что да, и на первый взгляд кажется, что у нее все хорошо.

– А на самом деле?

– Вот это «на самом деле» меня и тревожит.

Алиса ей сразу понравилась, в день знакомства. Александра прекрасно понимала, что симпатия эта не взаимна. Она, пожалуй, представляла перед Алисой странным существом, призраком, выбравшимся из могилы, чтобы отнять у нее любимого мужчину. Александра же была немного старше, намного опытнее и отлично разбиралась в людях, поэтому она сразу правильно оценила любовницу брата.

Алиса была умна от природы, честолюбива, немного упряма, а в глубине души – добра и даже беззащитна. Яна она действительно любила, ради него она пошла бы на многое. Они стали бы крепкой семьей, если бы все сложилось... Но что уже рассуждать? На их пути изначально стали две крупные проблемы.

Первой из них была стая гарпий, представленная матерью Алисы и невнятным роєм ее подружек. Они оказались блюстительницами морали, которую сами же и определяли по ходу дела. Они давили на Алису, а она, пусть и умная, уверенностью в себе не отличалась. Они продолжали клевать ее, пока не нашли уязвимое место, и все испортили.

Второй причиной, увы, стал Ян – а точнее, то, что он Алису не любил. Она ему нравилась, и он был недостаточно склонен к самоанализу, чтобы философствовать: любовь это, не любовь? Жизнь сама определила, что не любовь, потом подбросила Яну змею в мешке – словно в наказание за то, что не связал свое будущее с милой покладистой Алисой.

Вот только Алисе это помочь не могло. Она наляпала собственных ошибок, сделала ситуацию настолько запутанной, что обратная дорога затерялась среди бесконечных узлов и непонятных переплетений очень разных судеб. В какой-то момент Алиса связалась с сомнительным журналистом Евгением Жильцовым, неправдоподобно быстро забеременела от него, собралась замуж. Яну это было неприятно, однако жизнь уже пересекла его дорогу с дорогой той самой змеюки, и Алису он отпустил. Финал должен был оказаться если не счастливым, то хотя бы безопасным – банальным и предсказуемым.

Но не сложилось даже тут. В августе Алиса пропала вместе со своим будущим мужем. Благодаря Нине Эйлер об этом стало известно довольно быстро, Алису искали лучшие силы полиции – и не нашли. И она, и Жильцов словно сквозь землю провалились.

Во время поисков стали всплывать неприятные подробности. Выяснилось, что Евгений Жильцов уже много лет следил за Яном. С Алисой он тоже пересекся не случайно, как думала она. Приглашая ее в свою машину, Жильцов прекрасно знал, кто она такая, как ее зовут и с кем она встречается.

Сложно сказать, планировал ли он изначально привязывать Алису к себе настолько сильно. Но они стали парой, начали жить вместе... а слежку за Яном журналист не прекратил. В какой-то момент он даже начал доставлять следователю неприятности, но быстро получил по зубам и унялся. В ту пору Александре казалось, что это была разовая пакость исподтишка, связанная с ревностью и соперничеством. Но вот выяснилось, что ревность и соперничество – это скорее сопутствующие обстоятельства, а не корень проблемы.

Определить, почему Жильцов занимался этим, не удалось до сих пор. Собирался он в спешке, вот и оставил часть бумаг в своем кабинете. Но часть – это не все. По брошенным им записям можно было убедиться, что он очень много времени, сил и денег отдал слежке за Яном. Однако пока оставалось неясным, почему он это делал. Появился намек, что его одержимость может быть как-то связана с Михаилом Эйлером, отцом близнецов, и такая перспектива Александру совсем не радовала. Хотя что тут вообще может радовать?

В любом случае, поиски Алисы были куда важнее, чем темные делишки Жильцова. Ян полностью сосредоточился на этом, он почти не спал и редко бывал дома. Не важно, любил он Алису или нет, она была ему дорога, и он ни за что бы ее не бросил.

Однако рвения и благих намерений оказалось недостаточно, Алису он так и не нашел. Она нашлась сама.

Об этом близнецам сообщил Денис – их друг детства и босс Алисы. Приметы пропавшей женщины были разсланы по всей стране, именно это принесло результат. Алиса обнаружилась в провинциальной больнице – живая, пусть и не совсем здоровая.

Ее нашли полицейские и пожарные, прибывшие на вызов в коттеджный поселок, расположенный в шести часах езды от Москвы. Позже выяснилось, что дом, в котором она была, арендовал приятель Жильцова – так ведь всех приятелей вездесущего журналиста и светского тусовщика не отследишь! Жильцов дураком не был, он специально организовал все так, чтобы этот дом невозможно было связать с ним.

Пожарные прибыли туда, потому что столб черного дыма поднимался к небу и отлично просматривался даже из соседних деревень, не говоря уже о самом поселке. Ну а полицию привлекла сработавшая в доме сигнализация. Тогда дежурным казалось, что вызов ложный, все знали, что дом пустует. Но, приехав на место трагедии, благодушно расслабленное настроение они мигом растеряли.

Алису вытащили из пылающего дома живой и даже не обгоревшей, хотя и надыхавшейся дыма. А вот Жильцова было не спасти – его труп обнаружили в самом сердце пламени. Позже эксперты по обугленным, разваливающимся на части останкам определили, что перед смертью журналиста пытали, потом облили бензином, еще живого, и подожгли.

На бензин там вообще не скупилась, неизвестным не нужен был просто пожар. Они использовали пламя, чтобы замести следы, и план оказался удручающе удачным. Следствию до сих пор не удалось установить, кто это сделал, даже намеков не было.

Чего нападавшие не ожидали, так это того, что в доме будет кто-то еще. Они и вовсе могли не обнаружить Алису, не похоже, что они собирались обыскивать весь дом. Но она выдала себя сама, когда подвал начал заполняться дымом. Винить ее за это было сложно: если бы дверь не открыли, она задохнулась бы раньше, чем сгорела.

Алиса не видела нападавших и толком не слышала их голосов, она очень быстро потеряла сознание. Вытаскивать ее из пламени они не стали, поспешили скрыться, ей повезло лишь в том, что полиция и спасатели прибыли через несколько минут.

– Они могли бы ее убить, – указал Андрей, когда Александра впервые рассказала ему о случившемся. – Ты уж прости, если это прозвучит цинично, но убить ослабленную беременную женщину – вопрос секунды. А раз полиция их даже не видела, они ушли не за секунду до того, как прибыли спасатели.

– Ты сам задал вопрос – и сам на него ответил. В том, что она беременна, и кроется подвох. Убить беременную или ребенка – особый уровень, тут не каждый уголовник справится. Перед тем, как отключиться, Алиса успела услышать, как они спорили об этом. Вероятнее всего, победил бы тот, который хотел ее убить, но тут послышалась сирена и они слиняли.

– Кстати, об этом... Как полиция добралась так быстро?

– А это Жильцова нужно благодарить. Он, конечно, debil, да будет земля ему пухом и все такое, но Алису он все-таки спас. Похоже, когда в дом вломились те уроды, он успел

нажать на тревожную кнопку. Но поскольку полиция находится далеко от коттеджа, самого Жильцова это не спасло.

Он готовился к нападению, даже при том, что хорошо замел следы. Он не зря озадачился тем, чтобы сигнализация всегда была в рабочем состоянии. Да и Алиса упоминала, что в последние недели он очень боялся кого-то.

Жаль только, что никаких указаний на то, что его пугало, не было. Евгений Жильцов давно уже перерос простые светские сплетни, он все чаще затеивал журналистские расследования. То, что минимум половина из этих расследований не была честной, не спасало его, а усугубляло ситуацию. Он успел перейти дорогу многим влиятельным людям, в том числе и способным на убийство.

И все же такая жестокая смерть, пытки эти... Необычный почерк. Не профессиональный, зато указывающий на личную связь. Жильцов конкретно так кого-то выбесил, и легкую смерть ему дарить не собирались.

– Почему он не сказал Алисе? – удивился Андрей. – Она уже была у него в плену, кому бы она рассказала!

– Он, кстати, не рассматривал это как плен. Он был уверен, что спасает Алису и своего ребенка. По этой же причине он ничего ей не рассказал.

– Ну и глупо.

– Желаешь провести спиритический сеанс, чтобы лично рассказать об этом его бессмертной душе? – усмехнулась Александра.

– Да как-нибудь обойдусь. Ну а сама Алиса? Она хоть что-нибудь подозревает?

– Самой Алисе поначалу было не до того...

При том, что Алиса выбралась из заточения живой и сохранила ребенка, никто не сказал бы, что она легко отделалась. Для нее весь этот год оказался тяжелым, а тут еще новый удар – и все вместе наложилось на изначально тревожную личность.

Так что первые недели Алиса вообще не говорила, ни с кем. Она боялась, сама не зная, чего. Понадобилась помощь целой команды психологов, в которой была и Нина, чтобы убедить будущую мать: в больнице безопасно, никто ее не преследует.

Александра втайне надеялась, что встреча с Яном поможет, хоть немного взбодрит Алису. Но оказалось, что под влиянием всего пережитого влюбленность в Яна отступила, он больше не был безупречным героем, способным преодолеть любые преграды. Он не нашел Алису, не спас ее и по-прежнему не любил. Это сбросило его с пьедестала, снова сделав лишь одним из мужчин в толпе.

Так что потребовались долгие дни и немалые усилия, чтобы она начала общаться с окружающими. И вот тогда подошло время родов – на фоне стресса чуть раньше, чем ожидали врачи. Алисе снова стало не до разговоров о преступлениях.

Рожала она в сопровождении матери. Ян благородно предложил свою помощь, но был послан подальше. Настаивать он не стал: выслеживать кровавых убийц оказалось куда проще, чем спорить с беременной женщиной.

Алиса родила девочку, назвать решила Софией. То, что такое же имя носила мать близнецов, показалось Александре непрозрачным намеком на настоящего отца малышки. Показалось так не только ей, Ян решил снова галантно предложить свою помощь, согласившись на признание отцовства. И снова был послан, причем совсем не галантно. Отцом девочки был записан покойный Евгений Жильцов, об этом очень просили его родители, у которых после его смерти никого не осталось. Они искренне верили, что это их внучка, других вариантов они просто не допускали.

– Так а сама Алиса что? – полюбопытствовал Андрей. – Настаивает, что родила Евгеньевну?

– Алиса честно призналась, что не знает. Вероятность пятьдесят на пятьдесят.

Эту загадку могла бы прояснить девочка, унаследовав черты биологического отца. Но пока все указывало, что малышка будет похожа на Алису, словно копия. Что же до теста ДНК, его не желала ни одна из вовлеченных в историю сторон.

Из Яна получился именно такой фиговый отец, какого ожидала увидеть в нем Александра. Он готов был помогать этой девочке, как помогал бы любому беспомощному существу. Но он не любил этого ребенка, а полюбить через осознанное усилие невозможно.

– Не сказал бы, что это так уж неожиданно, – заметил Андрей. – Не представляю Яна умиляющимся младенцу.

– Рискну предположить, что это зависит от матери ребенка. Он симпатизирует Алисе – и симпатизирует этому ребенку.

– Это странно.

– Капец как странно, – с готовностью согласилась Александра. – Но уж как есть. Да и когда в нашей жизни что-то шло нормально? Я подозреваю, что если ребенка ему родит женщина, которую он по-настоящему любит, он и умиляться младенцу будет, и ворковать, и что угодно. Вот только в возлюбленные он себе выбрал такую женщину, что она вполне может родить сразу гиену.

Андрей без труда догадался, о ком идет речь:

– Она все еще на горизонте?

– Она у нас как солнышко: то восходит над горизонтом, то скрывается. Только она чуть менее предсказуема.

На фоне выздоровления и реабилитации Андрея, да еще всей этой истории с Алисой, Александре было не до личной жизни брата. До нее доходили лишь обрывки информации о том, что происходит. Может, оно и к лучшему: Александра сомневалась, что даже у нее, близнеца, в этой ситуации была власть хоть что-то изменить.

Она по-прежнему не понимала Еву. Это было диковатое создание, вроде как использующее Яна для собственного развлечения, но при этом необъяснимо преданное ему. Ева не собиралась жить с ним и даже ходить на традиционные свидания. Любые ограничения, связанные с карантинном, ее тоже мало волновали, она умудрялась свободно перемещаться по городу.

Она оставила Яна в покое, когда он был сосредоточен на поиске Алисы, понимая, что будет мешать. Но когда Алиса нашлась, Ева без спроса заявила к нему в гости посреди ночи – и Александра через стену между квартирами прекрасно слышала, что они там не о жизни говорили. Ева и дальше продолжила сваливаться, как снег на голову. Иногда хотелось упрекнуть и ее, и Яна, указать им обоим, что это ненормально и что не каждое место, где состоялся секс, для него подходит, совесть, вообще-то, нужно иметь. Однако Александра каждый раз останавливала себя. Лезть не в свое дело – сиюминутная забава, которая способна привести к печальным последствиям.

Так что Александра оставила за братом полную свободу действий и сосредоточилась на том деле, которое могло погубить Евгения Жильцова. Алиса, придя в себя после родов, рассказала, что не знает ничего наверняка, но подозревает с большой долей вероятности: Жильцов был помешан на нашумевшем деле об обезглавливании.

Дело и правда было громкое, медийное, во многом уникальное, и считалось, что все о нем знают. Вот только Александра и Андрей в список этих «всех» не входили, да и Ян тоже. Когда это происходило, Андрей был под замком в реабилитационном центре своего отца, а близнецы делали все, чтобы его освободить. Поэтому Александре пришлось поручить племяннику собрать для нее самые актуальные данные по этой истории – ведь любое громкое преступление с потрясающей скоростью обрастает слухами, мешающими докопаться до сути.

Так произошло и в этом случае, но под коконом конспирологических теорий скрывалась действительно жуткая история.

Двадцатилетняя модель Ариана Савина умерла перед объективами многочисленных камер, да еще и в прямом эфире. Камеры были направлены на нее, потому что она участвовала в съемках клипа, а прямой эфир в соцсети вела одна из подружек погибшей. Они всегда так делали – ведь не предполагалось, что кто-то умрет по-настоящему.

По сюжету Ариане полагалось сыграть ведьму, которую приговаривают к казни на гильотине. Но поскольку палач в ведьму влюблен, гильотина не сработает, лезвие остановится в последний момент, и все будут счастливы.

А для обеспечения этого всеобщего счастья использовалась специально настроенная гильотина и мягкое бутафорское лезвие. Оно не могло отрубить девушке голову, даже если бы все-таки сорвалось. Поэтому палач, роль которого исполнял рэпер, задумавший этот клип, повернул деревянную ручку без малейших сомнений.

Вот только лезвие оказалось настоящим – и сорвалось на открытую ему шею. То, как голова Арианы отделилась от туловища, сняли три камеры с трех ракурсов. Эта же кровавая картина попала в прямой эфир, который прервался на целую минуту позже, чем следовало бы. А поскольку фанаты Арианы привычно записывали все ее эфиры, видео попало в интернет, остановить его распространение оказалось невозможно.

Естественно, разразился жуткий скандал. Эту смерть нельзя было списать на несчастный случай, кто-то очень постарался, заменяя лезвие и перенастраивая гильотину. Под подозрение попали все, кто мог подойти к реквизиту хотя бы на три шага, в первую очередь – рэпер Роб ДиМиро, который оказался еще и женихом погибшей. Предполагалось, что при таком количестве свидетелей и записях видео полиция быстро разберется, что к чему.

Но полиция пару месяцев помыкалась и зашла в тупик. У ДиМиро, которого родители назвали Егором Гаспаровым, не было ни единой причины убивать невесту. Они оба были молоды, красивы и успешны – идеальная пара с большим будущим. Они только в начале лета объявили о помолвке, рэпер сделал модели предложение на ток-шоу, оба на каждой съемке смотрелись непередаваемо счастливыми. Да и что ДиМиро получал от ее смерти? Ничего, кроме проблем. Если бы он просто устал от девушки или разочаровался в своем решении о браке, ему выгоднее было бросить Ариану – светская тусовка любит скандалы, хайп идет на пользу всем сторонам. Но убивать, да еще так... Адвокатам ДиМиро не пришлось даже особо напрягаться, очень скоро с рэпера сняли все обвинения.

Точно так же один за другим отпали и другие подозреваемые. У них не было мотива – или было алиби. Свидетели и видеозаписи не помогли, улики не нашлись. Полиция добралась лишь до вывода, что лезвие, скорее всего, подменили на складе, но кто и как это сделал – выяснить пока не удалось. Да и не факт, что когда-либо удастся. Публике заявили, что смерть Арианы стала трагической случайностью.

Дело было жутким, но скорее скандальным, чем по-настоящему опасным. Сразу же возник логичный вопрос: а при чем тут вообще Евгений Жильцов? Но хотя бы этот ответ удалось найти быстро.

В свои скромные годы Ариана успела сменить нескольких медийно известных любовников, и Жильцов был первым из них. Именно он на своем портале дал юной модели необходимую рекламу, запустившую ее карьеру. Оба использовали друг друга – и оба понимали это, так что расстались они без обид, когда им надоело играть в любовь. О том, насколько дружеские отношения они сохранили, можно было судить по интервью, которые журналист регулярно проводил со своей бывшей. Над другими моделями Жильцов мог поиронизировать, однако с Арианой общался нетипично деликатно.

Так что ясно, почему ее смерть могла его расстроить. Но такая одержимость, такое увлеченное расследование... Это было совсем на него не похоже. Алиса упомянула, что он окунулся в странное дело с головой почти сразу. Он стал редко бывать дома, он нервничал, однако

отказывался обсуждать происходящее. Тогда Алиса и попробовала обратиться к Яну, да не сложилось – его не было в стране.

Она могла бы поискать помощь в другом месте, поговорить со своим шефом, например. Однако Алиса убедила себя, что оно того не стоит. Просто Женя – увлекающаяся натура, помыкается и успокоится. Ревности Алиса не чувствовала, какой смысл ревновать к покойнице?

Вот только Жильцов не успокоился, он похитил собственную невесту, фактически перечеркнул блестящую карьеру и на много недель забаррикадировался в доме приятеля – до самой своей смерти.

Конечно, все это не доказывало, что его убили именно из-за того дела. Но одержим Жильцов был только им.

Когда все выяснилось, Ян тут же связался со следователем, занимавшимся этим делом. Тот честно признал, что расследование застопорилось, однако никаких указаний на то, что за этим стоят садисты, которые пытали Жильцова, нет. Смерть Арианы была пусть и кровавой – но быстрой. Да и кровавой ее сделали по воле обстоятельств, если бы в клипе в нее стреляли, преступник наверняка заменил бы оружие, и получилось бы не столь зрелищно.

Алиса настаивала, что лезть в это дело нельзя. Женю оно не вернет, а преступникам покажет, что она по-прежнему представляет для них угрозу. Это не нужно ни ей, ни ее дочери.

– И что, Ян согласился? – поразился Андрей. – Вот так легко?

– У него, как и у меня, бывают моменты просветления, – улыбнулась Александра. – Да и потом, у него сейчас есть другое дело.

– Ты про эту его даму сердца?

– Нет, не про Еву. Я в прямом смысле про другое дело: он другое расследование ведет.

– Это какое же?

– Пытается разобраться, за что наш дражайший Женечка взъелся на него так, что решил сломать Алисе жизнь.

Глава 2

Он жил теперь на глубине, в самом сердце океана. Не на дне, где вечная тьма и ползают неведомые твари, уродливые перед человеческими глазами. И не на поверхности, где солнце бросает искристые лучи на мелкие зеленоватые волны.

Нет, он застрял ровно посередине. Там, где вода тяжелая, темно-синяя и мутная. Дно где-то далеко, под ногами, оно – чернота, которой не хочется касаться. А солнце осталось в другом мире, сюда оно если и добирается, то редкими одиночными лучами, которые, как копья, пронзают синюю гладь. Выбраться невозможно: вода держит, как смола, давление не позволяет шелохнуться.

Но ему и не хочется двигаться. В этой синей пустоте нет ничего, значит, ничто уже не обязательно. Можно не думать, мысли растворяются где-то рядом, как соль. Действовать тоже не обязательно, всегда найдется оправдание самому себе. И уж конечно, нет больше боли от того, что он перестал быть собой прошлым, сильным, решительным и быстрым. Безжалостным. Тот человек исчез, а его останки поглотил океан.

Такой была нынешняя жизнь Михаила Эйлера. Он оставался во власти океана, здесь он мог расслабиться. Он даже не помнил, как это началось, как его уволокло сюда. Осталось лишь смутное знание: он все равно ничего бы не изменил, этому невозможно сопротивляться. Он понимал, что где-то на далекой поверхности, где все еще светит солнце, осталось его тело. И тело это двигается, смотрит по сторонам, что-то невнятно мычит. Пускай. К нему это не имело никакого отношения.

Вот только власть океана над ним не была абсолютной. Иногда волны подхватывали его и вышвыривали на поверхность. Вот тогда приходилось говорить, думать и помнить. Смотреть в глаза тем, кого он подвел, и чувствовать эту проклятую обжигающую боль, проникающую в каждую клеточку его тела. С надеждой ждать, пока вернется океан и снова поглотит его сознание.

Михаил знал, что сегодня кто-то хочет вытянуть его на поверхность. Кто-то пришел к его телу – не сиделка и не очередной врач, кто-то новый, достаточно важный, чтобы его голос пробился сквозь толщу воды и потревожил человека, скрытого внутри. Кажется, Ян... Ян – это плохо. Это больнее, чем другие. Хуже только Александра.

Он замер, ожидая, предаст его океан или нет, заставит ли снова оказаться там, где больно и холодно. Но нет, толща воды хранила его надежно. Яну не повезло: что бы он там ни говорил, ответа он не получит, так и уйдет со своими вопросами, раздраженный и нетерпеливый. Точная копия отца в молодости, хотя сам он это, конечно же, не признает – стыдится.

Ян называл какие-то имена, и они тоже пробирались на глубину. Нехорошие имена, раз до Михаила доходил их отзвук, но ничего, можно перетерпеть. Ян уже уходит, все вот-вот закончится, и снова наступит тишина.

По крайней мере, так бывало обычно. Но сегодня что-то пошло не так: Ян ушел, оставил его в покое, но имена, произнесенные сыном, все кружились вокруг Михаила, обретая форму, превращаясь в щупальца спрута. И щупальца эти обвивали его ноги и тащили его вниз – к черному дну, где остались последние осколки его памяти...

...Это был тяжелейший год, худший, проклятый. Первый год после того, как он продал земле чужую девушку, назвав именем своей дочери. Михаил не сомневался, что ему удалось всех обмануть, его планы всегда срабатывали.

Семья еще не оправилась, еще горевала. На его жену было страшно смотреть – она скользила по дому тихим призраком, и он не представлял, сколько нужно времени, чтобы она стала прежней. Он лишь надеялся, что это возможно. Ян отделился от него, сосредоточился на учебе. Казалось, что он пережил смерть сестры чуть ли не лучше всех, однако Михаил

чувствовал, что за этим быстрым восстановлением притаился какой-то грандиозный подвох. Павлу и Нине было чуть легче – но не легко, нет.

Первый год – он ведь самый трудный. Год смирения, год боли. Год бессильного признания и бессердечных напоминаний. Наступает Новый год – и ты невольно понимаешь, что в прошлый раз елку наряжал с человеком, которого больше нет и никогда не будет. Наступает день рождения, который больше некому праздновать. Появляется новый хозяин у телефонного номера, который ты много лет знал наизусть. И все эти вещи в коробках, комната, которую нужно отремонтировать и использовать для чего-то...

Это всем давалось тяжело, а Михаила и вовсе убивало. Потому что остальные смирились благодаря ему, усвоили, что Александру не вернуть и не спасти, они позволили себе принять это и двинуться дальше. Он обманул всех – но не самого себя.

Он-то знал, что она пропала где-то очень далеко, и ее судьба навсегда останется загадкой. Он ее предал – много раз, в смерти и до смерти. Исправить теперь ничего не получится, да и уйти от этого тоже нельзя. Ему придется принять свой пожизненный приговор: помнить ее.

Михаил никому не признался бы в этом, потому что в таком не признаются, но близнецы всегда были его любимцами. В Яне он видел себя – нового, еще не наделавшего всех тех глупых ошибок, получившего шанс прожить свою жизнь лучше. Поэтому с младшим сыном Михаил был строже, он-то понимал, что те черты, которые однажды приведут его к успеху, нужно сдерживать.

А вот Александра... Она была чем-то совсем уж новым. Такая же сильная, как он, но вместе с тем такая хрупкая. С тех пор, как он впервые взял ее на руки, Михаила не покидало желание защитить ее, спасти от всех бед, уберечь от разочарований. Она казалась такой нежной, слишком идеальной для этого мира.

В первые годы, пока близнецы были совсем маленькими, все шло хорошо. Они забавляли Михаила, умиляли даже, пусть и знал об этом он один, он не привык такое показывать. Но чем старше они становились, тем больше тревожных звоночков звучало. С Яном проблем не было – он оказался именно таким, как ожидал его отец. А вот Александра... В ней Михаил видел даже больше себя, чем в ее близнеце. Наглая, вызывающая решительность. Безрассудная смелость. Первые искры того, что показалось ее отцу жестокостью.

Он чувствовал: до добра это не доведет. Александра отличалась горячностью, не свойственной даже ее брату. Изменить ее природу было нельзя, и Михаил опасался, что со временем она превратится в лесной пожар, который погубит сам себя.

Он не мог этого допустить. Он ведь поклялся ее защищать еще тогда, в день ее рождения, и эта клятва до сих пор оставалась для него одним из главных ориентиров. Он подумал: если нельзя изменить Александру, может, удастся чуть-чуть подкорректировать мир вокруг нее? Создать такие условия, в которых ей придется быть осторожной и смиренной?

Михаил был уверен, что у него получится. Только поэтому он затеял тот проклятый спор с ней... Который стал началом конца. Когда Александру отчислили и стало ясно, что карьера в полиции у нее не будет, Михаил праздновал победу. Но дочь снова переиграла его, это новое, сильное воплощение его сущности.

Только вот переиграла она и саму себя. Она исчезла, и все то многообещающее будущее, которое казалось обязательным для нее, рухнуло. Своей семье Михаил подарил хоть какое-то подобие знания – а именно знание помогает отпустить ситуацию. Его же ожидала вечная неизвестность.

Он думал, что справится, постепенно, по чуть-чуть. Время должно было его лечить. Вот только ему с каждым днем становилось все хуже. Как будто душа тоже может поддаться заражению и медленному умиранию... Михаилу казалось, что с него попросту сняли

кожу. И дальше он живет вот так – окровавленный, беззащитный, уязвимый. Боль способно принести все, что касается оголенных мышц и нервов, даже самый легкий порыв ветра.

А таких порывов внезапно стало очень много. Он видел маленькую девочку с сияющими от солнца льняными волосами – и ему казалось, что это его девочка, бежит к нему, сейчас обнимет, повиснет у него на шее, совсем как раньше, попросит ее покружить. Каждое звонкое детское «Папа!» било по открытой ране раскаленными углями. Каждая молодая женщина, похожая на нее, была подобна удару плети. И это не прекращалось! Александра была мертва – но она же была повсюду. То улыбалась ему чужой улыбкой, то смотрела пустыми глазами выклеванных воронами глаз.

Михаил не мог это остановить. Лучшее, на что он оказался способен, – скрыть свое состояние от семьи и коллег. На работе он был все тем же – уверенным и холодным, как стужа января. Он стал, пожалуй, чуть строже, чем раньше, но этого никто не заметил. Никто и не мог заметить – его не покидало ощущение, что каждый из Эйлеров теперь сам по себе, даже если они живут под одной крышей.

Постепенно его силы заканчивались, верить, что однажды боль ослабнет, становилось все сложнее. Он продолжал упрямо идти вперед лишь потому, что самоубийство казалось ему слишком простым выходом из ситуации. Недостаточно суровой карой за то, что он сделал. Михаил не знал, как все закончится, он просто позволил реальности нести его вперед.

Он начал верить в то, во что раньше не верил, над чем насмехался. Это оказалось несложно – потому что он не верил ни во что, ему только и оставалось, что заполнить пустоту. Он не стал религиозным, однако все чаще допускал, что смерть – это не предел. Дальше что-то есть, и существуют высшие силы, которые могут больше, чем он. Эта вера оказалась особенно нужной на том этапе его пути, когда он потерял контроль над ситуацией.

Постепенно мысли его сместились в другую сторону. Если некие высшие силы существуют, возможно, они помогут ему сейчас? Вернут то, что было? Ведь тело Александры так и не нашли... Настоящее тело, в могиле двойник. Быть может, она жива и сумеет вернуться? Умом Михаил понимал, что это невозможно. Но странная новая вера шептала это коварное слово – «вдруг». Михаил и сам не заметил, как каждый его день наполнился одной и той же мантрой, которую он повторял про себя снова и снова.

Забери меня, верни ее.

Она лучше, чем я.

Поэтому забери меня, верни ее.

Я во всем виноват.

Забери все, что хочешь, только верни ее.

Эта его молитва, появившаяся сама собой, не помогала, вестей об Александре больше не было, да и не могло быть. Если бы он думал только об этом, отчаяние выгрызло бы его изнутри. Поэтому Михаил все реже бывал дома, с головой погружался в работу, почти не отдыхал. Полная концентрация на расследованиях пока спасала, но он не знал, как долго это продлится. Иногда ему казалось, что он теряет остроту восприятия, мысли становятся медленными, вязкими, голова болит все чаще... Он отмахивался от этого, как от роя назойливых мелких мушек. Михаил считал, что мужчине не следует обращать на такое внимание. Начнешь – и будешь рассуждать, что стресс убивает, как неврастеничка какая-нибудь!

Работа была лекарством, и в тот день он снова закрылся в своем кабинете, окружил себя горами бумаг, как стеной, разбирался в них, читал, исправлял, переписывал... Он заполнил свои мысли этими буквами, чтобы вытеснить безнадежную молитву, он не собирался отвлекаться.

А его все равно отвлекли. Дежурный сказал ему, что какая-то женщина настаивает на встрече с ним. Михаил никого не ждал и никого не вызывал, поэтому незатейливо потребовал, чтобы даму послали к черту, раз уж ей хочется куда-нибудь сходить. Дежурный резонно

заметил, что общество Михаила Эйлера ей милее дьявольского, гостя упрямая и определенно не бедная, у такой хватит наглости и начальство задействовать. Михаил не особо испугался, он и сам давно уже был начальством. И все же странная женщина заинтересовала его. Может, она отвлечет его даже лучше, чем эти бумаги? Документы, в конце концов, никуда не денутся.

Убедившись, что следователь сменил гнев на милость, дежурный ушел, очень скоро появилась та самая гостя. Она и правда оказалась любопытным созданием, такие к Михаилу обычно не заходили.

Женщина была немолода – около семидесяти, но никто не назвал бы ее старухой. Слишком уж гордой была ее осанка, слишком вызывающе она смотрела на мир. При этом женщина не пыталась молодиться, напротив, она выглядела уставшей, измотанной чем-то. Кажется, даже заплаканной, но определить это наверняка не позволял умело нанесенный макияж. На встречу женщина пришла в дорогом деловом костюме – черном, как и блузка под ним. От этого веяло трауром.

Не дожидаясь приглашения, женщина уверенно пересекла кабинет и опустилась на стул.
– Меня зовут Лариса Вишнякова, – представилась она.

Это имя ничего не говорило Михаилу – он не был знаком с этой женщиной лично, и она определенно не относилась к тем, кто всегда на слуху.

– Мое имя вы знаете, раз пришли ко мне, – указал Михаил. – Теперь хотелось бы услышать, зачем.

– За помощью, разумеется. Вы знаете, кто такой Борис Колесин?

Вот это имя как раз показалось знакомым – но не настолько, чтобы мгновенно вызвать из памяти образ нужного человека. Михаилу пришлось поднапрячься, прежде чем он наконец сообразил, о ком речь.

– Банкир этот?

Всех банкиров города он, разумеется, не знал. Однако Борис Колесин сам сделал себя известным в этом году, когда решил стать депутатом. Сейчас он вел активную предвыборную кампанию и мелькал перед глазами куда чаще, чем хотелось бы Михаилу.

Лариса попыталась улыбнуться, но уголки губ дрогнули, словно улыбка приносила боль.

– Банкир, – согласилась она. – И великий политик. А знаете, почему он в политику полез?

– Не знаю и не интересуюсь.

– Чтобы грехи свои прикрыть. Депутаты ведь неприкосновенны. А даже если кто-то вдруг начнет разбираться в его делишках, он тут же развопится, что это политическое преследование. Вот зачем ему это нужно! Все остальное, все, что он болтает о благе народа и заботе о людях, – это просто прикрытие. Он даже не сам эти речи пишет! Просто читает по бумажке, что ему другие люди пишут... Грамотные люди, которые знают, что нужно для привлечения избирателей.

– Ну и что? – равнодушно поинтересовался Михаил. – Вы надеялись меня этим шокировать? Тем фактом, что банкир может оказаться нечестным человеком? Кто подумал бы!

– Зря иронизируете.

– Да я особо не иронизирую. Колесин этот, насколько я помню, занял руководящую должность совсем молодым и еще в девяностые. Либо он гениален, либо изначально ходил под «крышей». Я не первый день на работе, и для меня практически любой наскоро слепленный миллионер из девяностых – вор. Ну и что? Если он до сих пор на свободе, следы он замел хорошо. И вы пришли в отделение полиции жаловаться на то, что депутат из него будет хреновый? Вынужден вас разочаровать: я разоблачениями не занимаюсь, я занимаюсь расследованием убийств.

Вишнякова выслушала его спокойно, возмущаться она не спешила и не перебивала. Лишь когда он закончил, она сказала:

– Это хорошо, потому что он как раз убийца. Год назад он убил мою дочь.

Другой следователь, пожалуй, посмеялся бы над ней. Или обвинил в сумасшествии. Или хотя бы удивился.

А Михаил пока даже говорить не мог. Ее обвинение было пустым, возможно, ложным, но это не имело значения. Короткое «убил дочь» резануло его, отозвалось неожиданно острой вспышкой боли в груди. Михаил понимал, что это ненормально, но ничего не мог с собой поделать. Его силы воли хватило лишь на то, чтобы отстраниться от боли, оставаться внешне все таким же равнодушным, продолжить этот разговор, как и полагалось профессионалу.

Кажется, где-то на улице детский голос снова крикнул «Папа!»... или ему показалось?

– Я вынужден просить вас о пояснении, – сказал Михаил. Вот, получилось произнести это так, будто ему все равно. Уже неплохо.

– Мою дочь звали Елена Колесина, – указала Лариса. – Она была женой этого... человека большую часть своей жизни. Он убил ее – и ему хватило наглости сделать ее смерть частью своей пиар-кампании. Пожалейте несчастного вдовца, он пережил боль и справился!

Вот теперь она позволила себе проявить ненависть, впервые с начала их разговора. А может, не позволила, а просто не сумела скрыть, слишком уж сильным было чувство.

Михаилу полагалось прогнать ее. Очевидно, что женищина, потерявшая дочь всего год назад, не в себе... А он разве в себе? Он разве никого не потерял и не понимает эту тупую, выжигающую боль?

Забери меня, верни ее...

– Расскажите мне все, – попросил Михаил.

– Вы мне верите?

– Я пока слишком мало знаю, чтобы верить. Расскажите.

Борис и Елена познакомились двадцать семь лет назад – в университете. Она только поступила, он уже заканчивал. Она была дочерью влиятельного чиновника, он – бойким, подающим надежды студентом. Поразительно некрасивым, но ловким и обаятельным. Он быстро заметил привлекательную девушку, одетую куда дороже других. Время его обучения истекло, пришла пора озаботиться карьерой. Елена верила, что он просто влюбился в нее, ее мать уже тогда заподозрила, что Борис мыслит куда шире.

Он оказался достаточно настойчивым, чтобы получить все сразу: молодую красивую жену, квартиру и машину, подаренные ее отцом, неплохое рабочее место. Но и сам он был непрост: у него еще с далекого детства, проведенного в «неблагополучном» районе, остались связи с людьми, ныне превратившимися в новых хозяев жизни.

Сначала он работал под крылом тестя, а через несколько лет перешел в банковское дело. Семья всегда жила безбедно, вот только Лариса сильно сомневалась, что счастливо. В какой-то момент Елена перестала смотреть на мужа влюбленными глазами, она выглядела грустной, подавленной чем-то. Мать пыталась расспросить ее, что происходит, но Елена лишь отмахивалась.

Со стороны они с Борисом казались идеальной парой, даже работали вместе: Елена взяла на себя всю благотворительную деятельность, которой занимался банк. Но и этого оказалось недостаточно, чтобы сделать ее счастливой.

– Сначала она призналась, что Колесин ей изменяет. Представляете? – презрительно бросила Лариса. – Сам похож на полуразложившийся кусок фарша, а туда же – ловелас!

Годы шли, Елена продолжала следить за собой, а ее муж давно расслабился. Это сначала он, осознавая, что природа была к нему не слишком щедра, делал все, чтобы скрыть собственные недостатки. Но чем больше денег у него становилось, тем сильнее было убеждение: мир примет его любым, если миру достаточно заплатить.

В чем-то Борис был прав: на такие деньги, как у него, с готовностью слетались юные неопытные девочки, красивые и не озадачивающиеся какими-то там высшими принципами.

Они не любили – так ведь он и не искал любви! Ему нужны были молодые тела, а тела с готовностью выставлялись на продажу.

Уже тогда Лариса завела речь о разводе, но Елена не согласилась. Сама себя она, смотревшая рядом с мужем его дочь, считала слишком старой. Она боялась скандала, осуждения – и бедности. К тому моменту ее отец умер, и, хотя он оставил неплохое наследство, она понимала, что Борис достаточно мстителен, чтобы быстро пустить ее по миру. Поэтому она терпела, делала вид, что ничего не знает, и умело улыбалась перед камерами журналистов.

– Я решила, что после такого она проглотит все, – вздохнула Лариса. – Не поймите меня неправильно, я всегда любила Лену... и всегда буду любить. Но ведь любовь не делает человека слепым! Не всегда так точно. Я знала все недостатки своей дочери, и бесхребетность была главным из них.

Постепенно Лариса смирилась, признала, что ее дочь от мужа не уйдет. Бориса вполне устраивала эта покорность, ему нравилось в интервью говорить, какой у него прекрасный многолетний брак – чуть ли не со школьной скамьи!

А примерно два года назад Елена сама заговорила с матерью о разводе. Она казалась нервной, испуганной чем-то, однако отказывалась пояснять, чем именно. Она лишь твердила, что не может больше оставаться рядом с Борисом, но все нужно сделать с умом, иначе плохо будет всей семье.

– Она не хотела говорить ему до последнего, и это было правильно, я сама ей советовала, – признала Лариса. – Вы даже не представляете, каким мстительным могло быть это жирное чудовище! Он не любил Лену – но считал своей вещью и никогда бы не отпустил. Так что она готовилась... Но ничего в итоге не успела. Умерла раньше.

Год назад Борис неожиданно предложил супруге съездить на отдых в Египет – вдвоем, романтическое путешествие и все такое. Предложение было неожиданным хотя бы потому, что они давно уже отдыхали отдельно, причем по инициативе Бориса, который долго доказывал, что мужу и жене иногда нужно оставаться в одиночестве, это делает брак крепче.

Елена согласилась только потому, что у нее не было причин отказываться. А может, она, в глубине души оставшаяся все той же наивной влюбленной девчонкой, верила, что Борис заметил ее отстраненность и хочет все исправить, не доводя до развода. Она поехала с ним – а в Россию вернулась уже в цинковом гробу.

Несчастье произошло во время банальнейшей экскурсии. Квадроцикл, на котором каталась Елена, взорвался прямо под ней, женищина получила серьезные травмы – но выжила. И поначалу врачи были настроены оптимистично, однако через несколько дней она все-таки скончалась в больнице.

Борис казался безутешным, он щедро раздавал интервью, рассказывая о том, как страдает по любимой жене. А через несколько месяцев он неожиданно для всех объявил о начале политической карьеры. Лариса считала, что причин на самом деле две – смерть Елены и то, что она узнала о муже, то, что, в отличие от измен, так и не смогла принять.

Естественно, никаких доказательств у Ларисы не было, да и не могло быть. Однако Михаил не спешил убеждать ее, что она все придумала, потому что не может справиться с горем. Версия у нее получалась логичная, все вполне могло случиться именно так. Люди, подобные Борису Колесину, не меняют жизнь настолько резко, если это не выгодно им и тем, кто их прикрывает. Ему много лет было удобно и уютно в роли банкира. Зачем ему что-то менять?

А вот, видимо, появилась причина.

Но все равно...

– Почему вы пришли ко мне? – спросил Михаил. – Это по-прежнему не мой профиль.

– Потому что тут в первую очередь не профилей важен, а честность. Я прекрасно знаю, как действует мой зять. Он покупает всех, кого можно купить... Он даже родного сына заставил принять эту идиотскую версию смерти матери! Потому что для моего внука, увы, безлимитная банковская карта дороже правды. И чтобы хоть чего-то добиться, мне сначала нужно найти человека, который не продается.

– Вы решили, что этот человек – я? Откуда такая уверенность? Вы даже не знаете меня.

– Я не знаю, а мой покойный муж знал. Константин Вишняков, помните такого?

– Нет.

– А он вас помнил, – устало улыбнулась Лариса. – Он однажды оказал вам услугу. У вас с ним не было договора, что вы вернете долг, вы даже, может, не знаете о ней. Но я не буду ничего требовать, я продолжу просить. Мой муж оказал вам ту услугу как раз потому, что считал вас хорошим человеком, Михаил.

Вести себя осторожно и сдержанно Михаил Эйлер научился годам к сорока. До этого его подводила та же горячность, которую он позже пытался погасить в Александре. Он задерживал тех, кто этого заслуживал, игнорируя любые связи и громкие имена. Иногда это было по нему, обращившись выговорами и карьерными пробуксовками. Пару раз он даже оказывался на грани увольнения – когда бросался на особо крупную добычу.

Вот на одной из таких граней его и поддержал Константин Вишняков. У очередного обнаглевшего малолетки, которого Эйлер чуть ли не за руку поймал, были очень непростые родители, которые требовали, чтобы назойливого следователя послали куда подальше. Вишняков же оказался человеком еще более непростым. Не безгрешным, но не утратившим принципы.

– Он считал, что в полиции нужны такие люди, как вы... честные. Даже если упрямые и твердолобые, – тихо рассмеялась Лариса. – Костя сам натворил всякого... А что делать? Чтобы сохранить такие позиции, иногда нужно идти на компромисс. Но по сути своей он был честным человеком. И он решил помочь другому честному человеку просто так, ничего не требуя взамен. Еще раз повторю, я не даю на чувство долга, потому что никакого долга за вами нет. Но я прошу вас – именно как честного человека, которого разглядел в вас мой муж. Я больше не могу видеть, как этот урод наживаете на смерти моей дочери... Вы не представляете, каково это – потерять собственного ребенка!

И снова она мелькнула рядом – его Александра. Не настоящая, а отражение в окне его кабинета. Ускользающий образ с кровавыми потеками из пустых глазниц.

Образ, который он создал.

– Я ничего не могу вам обещать, – указал Михаил. – И я не знаю, получится ли у меня разобраться с этим. Но я хотя бы попытаюсь...

...Океан снова подхватил его, утащил, заставил забыть то, что приносило боль. Михаил даже не знал, почему его унесло на тот берег. Это Ян ему что-то сказал, что-то такое упомянул, что заставило его вспомнить о встрече с Ларисой Вишняковой. С чего бы вдруг?

Не важно. Теперь уже все не важно.

Он надеялся, что океан снова утащит его на глубину, где не нужно ни думать, ни помнить. Но на этот раз не повезло, там он пробыл недолго, его снова выбросило на берег, на этот раз – на знакомый.

Получается, сегодня ему достался один из тех моментов, которые его сиделки звали просветлением. Иногда это случалось просто так, без особой причины, и Михаил понятия не имел, почему его мозг вдруг решил заработать, когда он просто пил чай или пялился на лужайку.

Но сегодня причина все же была – в гостиной напротив него сидел его сын. Не Ян, к счастью. Павел. Тоже сложно, однако не так, как общаться с близнецами.

Павел выглядел паршиво – он заметно похудел, взгляд потерянный. Михаил попытался вспомнить, почему это произошло, и не смог, хотя ему наверняка рассказывали. Пришлось слушать.

– Похоже, разведут нас с Жанной еще до конца года, – криво усмехнулся Павел. – Самому не верится, да и не хочется иногда... Но только иногда. Потому что я думал, что уж мой-то брак навсегда, как у вас с мамой было. Человек, как говорится, предполагает...

Вот это «как у вас с мамой» очень многое говорило о его старшем сыне. Если Ян был похож на Михаила просто потому, что таким родился, то Павел сделал это целью, к которой шел с завидным упрямством. Он чаще планировал свою жизнь, чем просто жил, и это приводило к серьезным ошибкам. Но Михаил ничего ему не советовал, даже когда мог. Он знал, что его советы будут восприняты как единственно правильный вариант, а он в собственной мудрости как раз уверен не был.

Когда болезнь окончательно утащила его на глубину, Павлу пришлось жить без прежнего авторитета. Долгое время Михаилу казалось, что у него получается, а теперь вот эта уверенность исчезла.

– Мы с Жанной никогда не вели себя, как влюбленные малолетки, всегда умели все проговаривать, – продолжил Павел. – Думаю, это нас и спасало в первые годы. Но после того, что случилось с Кириллом, все как-то быстро, разом, посыпалось... Представляешь? Оказывается, можно прожить с человеком два десятка лет – и совсем не знать его. Да у нас общего почти нет!

– А что случилось с Кириллом? – встрепенулся Михаил.

На Жанну ему, откровенно говоря, было плевать. Он прекрасно знал, что его сын женился на циничной малоэмоциональной девице, которая с годами логично превратилась в совсем уж холодную, расчетливую тетку. Эта из-за развода терзаться не будет, она сосредоточит все усилия на том, чтобы оттягать у бывшего побольше.

Кирилл – совсем другое дело. В нем Михаил чувствовал свою породу, те пылающие страсти, которые сгубили не одного представителя семьи Эйлеров. Сколько же лет сейчас этому мальчишке? Он еще ребенок или уже нет?

– Папа, я тебе рассказывал, – укоризненно заметил Павел.

– Расскажешь еще раз, не развалишься.

Михаил всегда теперь так общался – со всеми. Резко и грубо. Его за это называли капризным стариком, а он не обижался и ничего не пояснял. Его замысел был прост: сделать так, чтобы его не особо оплакивали, когда он все-таки отправится на тот свет. Он попросту не заслужил этих слез.

Павел, конечно же, не отказал ему. Он так и не научился отказывать отцу.

– Кирилл, он... он связался с дурной компанией. Там и наркотики были, и оргии какие-то, ты не представляешь... Они еще и на видео это снимали! Потом его порезали, так это предсказуемо: иначе такое не заканчивается. А ведь мы с Жанной его по-другому воспитывали! Я же его учил, я его предупреждал, а он все равно вляпался так глупо...

Он многое недоговаривал, это чувствовалось. Тайна, уродливая и страшная, таилась где-то за словами «оргии», «наркотики» и «порезали». Словами жуткими сами по себе – и совсем уж ужасающими, когда их выбирают, чтобы сгладить острые углы.

– Его порезали – и что? – поторопил Михаил.

– Чуть не умер он... Ты не представляешь, насколько мне тогда было страшно! Если такое случится еще раз, я сам просто схожну, папа... Я хотел преподать ему урок. Не сюсюкать с ним, а сделать так, чтобы он все понял, чтобы такого больше не было... Так Ян и Сашка не позволили мне! Они настроили Кирилла против меня, сказали, чтобы я не смел его трогать...

– Ты бил его?

– Да не бил, пощечину дал... Господи, да как ты мне, сам ведь знаешь – ничего такого! Мне это помогло, ему бы помогло... Но нет, они у нас решили добренькими побыть! Теперь

Кирюха со мной не общается... А с Жанной мы, как остались без него, совсем друг друга понимать перестали...

Тут Михаил не выдержал:

– К черту Жанну! Твой сын чуть не умер – и ты дал ему уйти?

– Ну да, – растерялся Павел. – Ты же сам говорил, что жизни спасает дисциплина, а не бабьи сопли!

Он действительно такое говорил. Михаил понимал, что не имеет права злиться на своего сына. Если близнецы рванулись и сорвались с поводка, то Павел вырос именно тем, что лепил из него отец.

Вот только результат оказался совсем не таким, как хотел Михаил.

На этот раз образ ворчливого старика не выдержал, треснул. Михаил чувствовал, что у него мало времени, очень скоро глубина утянет его обратно к себе. Но он не мог просто ускользнуть в свое убежище и оставить все как есть.

Он подался вперед, резко и быстро, хотя знал, что это вредит его ослабленному телу. Ему было плевать, он не видел смысла искусственно продлевать свое жалкое существование. Михаил сжал обеими руками свитер Павла у самого горла, а его сын, который был намного сильнее его, от неожиданности просто замер перед ним испуганным ребенком.

– Иди к нему, – процедил сквозь сжатые зубы Михаил. – Скажи ему все про свой страх, скажи, что любишь его. Сделай все, чтобы он простил тебя.

– Но он...

– Ты виноват! А я перед тобой еще больше, но ты – перед ним! Я уже ничего исправить не могу, а ты исправляй, времени всегда слишком мало!

Это было, пожалуй, незаслуженно жестоко – опять, и снова, как и всю его жизнь. Но Михаил должен был предупредить сына. Чтобы потом, через пару лет, Павел, несчастный и пустой внутри, не повторял каждый день придуманную им же молитву.

Забери меня, верни ее.

Забери все, что хочешь...

Хотя, если задуматься, его просьбу наконец услышали. Александра вернулась – но Михаила Эйлера, который должен был молить ее о прощении, уже забрал себе темный океан.

Глава 3

Секрет выживания в том, чтобы не запоминать кошмары, это Алиса усвоила быстро. Она не могла остановить их, и ночью ей виделось всякое – что было и чего не было. Однако утром она отпускала это, не задумываясь, сразу же переключалась на простые домашние дела, и они потихоньку вытесняли из ее души липкий страх ночи. В остальном же жизнь постепенно начала налаживаться.

Ей порой казалось, что кто-то взял и прочертил в ее жизни четкую черную границу, по одну сторону которой осталось «до», лишившееся шансов перебраться в ее «после». И границей этой стало рождение Сони. В последние месяцы беременности на Алису столько всего свалилось, что ей казалось: оправиться она попросту не сможет. Никто бы не смог! Но когда она впервые взяла на руки Соню, она вдруг четко поняла: она справится. Со всем, что способна подбросить ей судьба.

Это вовсе не означало, что Алиса теперь была свободна от волнений, сомнений и страхов. Куда там! Но она научилась расставлять приоритеты и четко видеть свой путь. Она усвоила, что два человека – это уже семья, и не нужно лихорадочно метаться, обязательно притягивая кого-то третьего. Появится сам – хорошо. Не появится – и так нормально, им с Соней хватит друг друга.

А это означало, что в истории с Яном Эйлером можно ставить точку. Нет, пока она оставалась в больнице, какие-то иллюзии у нее еще были. Алиса допустила немало ошибок, однако ей казалось, что случившееся стало достойным искуплением. Ей нравилось думать, что Соня – дочка Яна, он сразу поймет это, и тогда...

Она не успела сочинить, что произойдет тогда, Ян явился раньше. В момент, когда Алиса увидела, как он смотрит на ее дочь, ей все стало ясно. Нет, он был очень вежлив, даже мил, немного нервничал – как многие мужчины рядом с новорожденными. Но он не любил Соню. Он не видел в ней свою дочь, хотя Алиса уже рассказала ему, что вероятность такого исхода очень высока.

Для Алисы это и стало той каплей, что переполняет чашу. Последняя любовь еще догорала в душе – скромными тусклыми угольками. Однако эта любовь ни на что не влияла, и Алиса с уверенностью записала Соню дочерью Евгения Жильцова. Причин было две, об одной знали все: этого очень хотела семья Жени, доказанное родство позволяло Соне унаследовать все, что осталось после его смерти.

О второй причине Алиса не кричала на каждом углу, однако сама не забывала. Ей казалось, что Эйлеры, получив хоть какие-то законные права на этого ребенка, заберут у нее дочь. Ян вряд ли способен так поступить, но семейка у него странная, это нужно признать. Его братец, адвокат этот, например... Или Нина – своих детей она воспитать не сумела, не захочется ли ей начать с чистого листа? Так что Алиса решила не рисковать, она на всякий случай отгородилась от Эйлеров бумажной стеной документов.

Это вовсе не означало, что Ян вот так взял и исчез из ее жизни. Он сразу сказал, что будет рядом, если понадобится ей, и слово свое пока держал. Он помог ей с переездом – она решила поселиться в большой городской квартире Жильцова. Свою квартиру Алиса по-прежнему сдавала, теперь, когда надеяться приходилось только на себя, дополнительный источник дохода был более чем полезен. Ян помогал с дочерью, если она просила. Но сам он инициативу не проявлял, у него не было ни малейшего желания чаще видеть Соню. Его диковатая сестрица и вовсе почти не подходила к младенцу, и Алису это вполне устраивало.

Попрощаться с Эйлерами не получалось еще и потому, что расследование продолжалось... и даже не одно. Алисе больно было признать, что последний год ее жизни, все эти яркие, определяющие судьбу события оказались ложью. Она была уверена, что их с Женей

знакомство стало пусть и необычным, не совсем нормальным даже, и все же случайным. А что в итоге? Он прекрасно знал, кто она такая. Он, по сути, поймал ее, приручил, воспользовался тем, что в ее жизни был сложный период, и заставил думать то, что было ему нужно.

В это не хотелось верить, и Алиса сопротивлялась до последнего, убеждала себя, что Женечка только в конце лета слетел с катушек, а до этого он действительно был идеален. Вот только упрямый разум не позволял обмануться, он и так молчал слишком долго. Тихий и едкий внутренний голос шептал ей, что Жильцов выдал свою истинную сущность не раз, она просто не хотела видеть.

Женя покорила ее тем, что был чуть ли не мужчиной ее мечты. Он дарил ей желанные подарки, говорил правильные вещи, отстранялся, когда надо, и был настойчивым, когда она тайно ожидала этого. Алиса верила, что это и есть то самое идеальное совпадение душ, о котором написано столько любовных романов. Почему она должна была искать подвох? Кто на ее месте заподозрил бы, что Жильцов попросту изучил ее заранее и теперь манипулировал ею? Да еще не ради нее самой, а ради ее бывшего! Алиса понимала, что злиться на Яна за такое несправедливо, однако злость то и дело мелькала в душе огненными вспышками. Эйлер ведь постоянно втягивал ее в какие-то неприятности... Нельзя рядом с ним быть. И ребенка с ним растить тоже нельзя.

Но если она мечтала забыть Эйлера как можно скорее, Женечка с самого начала проявлял к нему неоправданное внимание. Алиса старалась упоминать Яна как можно реже, потому что – ну в самом деле, когда это нынешние любили говорить о бывших?

А Женя вот любил. Он незаметно, как бы между делом подталкивал ее к разговорам об Эйлере. Задавал нужные вопросы, подавал правильные реплики, и вот уже она, сама того не замечая, выдавала ему куда больше информации, чем следовало бы.

Он еще и использовал это против Яна. Тогда Алисе казалось, что это следствие: так Женя выражал свою ревность. Но что, если это была причина? Расспросы, связь с Алисой, игры с Яном... для чего это? Что стало отправной точкой?

Она не отказалась бы узнать и все же не сосредотачивалась на этом, у нее других забот хватало. А вот Яну ответы были куда нужнее, и он заявился к ней вскоре после того, как она переехала в квартиру Жильцова.

– Нет, Ян, я не знаю, что ему было от тебя нужно, – сдержанно улыбнулась Алиса, подавая ему чай. – Я думала, к этим его мелким пакостям все и сводится.

– Его пакости были не совсем мелкими. Но то количество материалов, которое он собрал... Нет, это нечто большее, чем просто желание досадить мне. Я даже не уверен, что с меня там все началось.

– Что ты имеешь в виду?

– Записи у него неровные – это тебе не дневник, где события нормально изложены, – усмехнулся Эйлер. – Сплошь какие-то коды, сокращения и заметки на полях. Но среди этих заметок не раз повторяется имя моего отца, а рядом с ним – Лариса Вишнякова, Борис Колесин... Знаешь таких?

– Впервые слышу, при мне Женя о них никогда не говорил. Не проще ли спросить об этом твоего отца?

– Пытался... Но он опять завис, надежно так. Не уверен, что он меня услышал, хотя я ему десять раз эти имена повторил. С ним ведь все хуже... Непонятно, какое его прояснение станет последним. Возможно, оно уже было.

– Сочувствую.

– Не стоит, ведь прямо сейчас я разгребаю очередной бардак, который, вполне вероятно, связан с ним. Как продвигается следствие по твоему делу?

Ее дело – а точнее, дело о ее похищении, – было самым простым из всех, в которые оказалась втянута Алиса. Тут все понятно и просто: Жильцов действовал один, по собственному

желанию. Он все тщательно спланировал, потому Алису и не удавалось найти до последнего. Но в том, что у него не было сообщников, никто не сомневался.

Неясной оставалась только мотивация, да и вряд ли ее когда-нибудь удастся точно определить. Правду знал только Жильцов, и, если он не оставил никакого завещания, ответы так и сгинут вместе с ним в могиле.

Следователь, которому доверили это дело, верил, что Жильцовым двигали внезапное помешательство и злобность характера. Алиса же считала, что в центре всего оказалась любовь. Не к ней, нет – она для Женечки была лишь частью непонятого плана против Яна Эйлера. Но вот ребенка Жильцов любил. Соня стала той переменной, которую он не учел, слишком уж неожиданной оказалась эта беременность. И все же он сумел полюбить дочь, тут помогло то, что себя он считал единственным возможным отцом.

Алиса чувствовала это, видела в его глазах, улавливала между строк во время их редких спокойных разговоров в том коттедже. Жильцов прекрасно знал, что спастись одному ему было бы проще, чем тащить с собой беременную невесту. И все же он рискнул, даже при том, что метод спасения выбрал весьма неоднозначный. Возможно, за эту сентиментальность он и заплатил жизнью, тут у Алисы тоже уверенности не было. Но он любил Соню... еще не увидев ее, не выбрав для нее имя, по-настоящему любил.

– По моему делу все понятно, – ответила Алиса. – Похититель известен и мертв. Сейчас и меня, и следствие больше интересует имя убийцы похитителя.

– Ну и как на этот счет?

– А вот на этот счет как раз пусто.

Преступление было в равной степени наглым и грамотным. Кто бы ни убил Жильцова, заметить следы они умели. Эти люди не попали ни в один объектив камер видеонаблюдения – ни в поселке, ни рядом с ним. До сих пор не удалось определить, откуда они приехали, на какой машине, куда потом делись. О том, чтобы найти связь между ними и Жильцовым, пока и мечтать не приходилось. Возможно, прямой связи и не было, от него избавились наемники, посланные теми, кому Женя по-настоящему насолил.

– Тебя ведь это беспокоит, – указал Ян. – Если хочешь, я могу пожить здесь с тобой, пока вопрос не решится.

Угольки былой любви на секунду вспыхнули – словно на них свежим ветром повеяло, раздувающим пламя. Когда-то Алиса согласилась бы, не раздумывая, потому что только об этом и мечтала.

Однако теперь жизнь научила ее раздумывать. А в следующую секунду Эйлер повернулся к окну, и Алиса сумела разглядеть ярко-красные полосы на его коже – на границе между шеей и ключицей. Очень характерные царапины, мгновенно узнающиеся, но так, скорее всего, и было задумано – не то ведь место, которое можно поцарапать случайно или даже в порыве страсти. Нет, это была осознанная метка... Интересно, для кого? Просто для всех или тот, кто оставил этот знак, знал, что Ян идет к Алисе?

От Эйлера опять повеяло не соблазном, а угрозой. Снова попадаться Алиса не собиралась.

– Как ее зовут? – спросила она.

Спокойно спросила, без вызова и насмешки, однако Ян заметно смутился. Это тоже было странно и ново, такого за ним Алиса припомнить не могла.

– Кого?

– Девушку, с которой ты встречаешься.

– С чего ты взяла, что я с кем-то встречаюсь?

– На тебя знак авторского права поставили.

Ян быстро коснулся пальцами царапин, поправил свитер и усмехнулся.

– Может, это ветка поцарапала, – предположил он.

– Очень злокозненная ветка. Как эту ветку зовут? Она, я смотрю, не любит традиционных подходов, могла бы невинный засос оставить.

– Засосы она считает пошлостью, а к делу это не относится. Алиса, о ней можешь не беспокоиться. Если нужно, я останусь.

Угольки безнадежно полыхнули последний раз и окончательно потухли, остывая. Вот и вся эта странная любовь... Необъяснимая, если задуматься. Алиса ни тогда, ни сейчас не могла точно сказать, почему ее так тянет к Эйлеру. Это было похоже на наваждение, которому попросту не удавалось сопротивляться.

А теперь вот такие забавы нужно оставить в прошлом. Маленький плюшевый медвежонок, лежащий на диване, лучше всего напоминал об этом. Алиса не возражала: есть отношения, отпускать которые легче, чем продолжать.

Однако даже так, отпуская, Алиса не могла остаться равнодушной. Эмоции в душе нарастали, превращаясь в сложный коктейль. Была ли среди них ревность? Пожалуй, была, но на удивление слабая. Бал правили горечь, удивление и совсем уж непредсказуемое злорадство.

Горечь была связана с собственными надеждами и фантазиями, которые теперь пришлось отпустить. Ну а еще с тем, что Ян закрутил с кем-то роман как раз в тот период, когда она пропала, она была в опасности, может, даже мертва! Неужели из уважения нельзя было подождать? Хотя чего ждать – она и сама не знала.

Удивление появилось, когда до Алисы дошло, что там все серьезно. Ян, для нее не один год остававшийся чуть ли не лишенным чувств ледяным идиолом, теперь сам оказался у кого-то на крючке. А ведь Алиса так старалась! Что же сделала та, другая, неизвестная ей? Старалась еще больше – или не старалась совсем?

Ну а злорадство было бальзамом на душу, усмиряющим другие страсти. Похоже, девица там совсем непростая, и вовсе не из-за этих царапок, а из-за растерянности и смущения, которые Ян, как ни старался, не мог скрыть. Любя кого-то, он не понимал этого человека и не представлял, что будет дальше. А поделом! Алиса готова была дать ему все: домашний уют, преданность, заботу и полноценную семью. Если этому он предпочел какое-то чудовище из темного леса, пускай теперь мучается. Карма – она такая: всех рано или поздно достанет.

– Не оставайся, все в порядке, – покачала головой Алиса. – У меня все хорошо.

– Расследование все-таки продолжается...

– И что? Мы с тобой прекрасно знаем, что оно может вообще не завершиться, останется «глухарем». А ты так и будешь куковать у меня на диване? Или подружку свою сюда же приведешь?

– Алиса...

– Мне это не нужно. Я уже рассказала полиции все, что знаю, потому что знаю я совсем мало. Я не представляю, за что убили Женю. Но я не полезу во все это дальше! Женю это уже не вернет, зато может навредить мне и моей дочери. Усвой сам и передай другим: мне ничего не известно.

– Я тебя понял.

Он просто ушел из ее дома, а она... Она продолжила жить. Обустроила квартиру под себя, вещи Жени передала его родным. Когда наступил декабрь, украсила комнаты к Новому году и купила маленькую елочку. Алиса старалась идти вперед, не оборачиваясь, и благодаря Соне это было не так уж сложно.

Даже при том, что она была не совсем честна с Яном. Она не знала, кто именно убил Женю и за что, но ставку сделала бы всего на один вариант: убийство Арианы Савиной.

Следствие эту версию тоже рассматривало, однако как одну из многих. Жильцов, увы, не вовремя решил назначить себя разоблачителем. Он оказался связан с немалым количеством громких финансовых скандалов, из-за него серьезные люди несли репутационные потери – и не

только репутационные. Полиция понимала, что очень многие из тех, кому Жильцов перешел дорогу, могли нанять киллера.

Алиса тоже признавала, что они на это способны, но знала она и кое-что другое. Женя не был отчаянным борцом за правду, который, вооружившись слабоумием и отвагой, попрет против танков. Хайп интересовал его куда больше, чем справедливость. Начиная маленькую информационную войну против одной компании, он неизменно заручался поддержкой ее конкурентов, он был прикрыт по всем фронтам. На тот свет он не стремился и всегда ввязывался только в те скандалы, которые не могли ему по-настоящему навредить.

А дело Арианы было другим с самого начала, и вовсе не потому, что эти двое когда-то были любовниками. Алиса сильно сомневалась, что Жильцов был способен по-настоящему полюбить женщину. Свою дочь – да, потому что она была частичкой его и продолжением его самого. Но романтическая любовь для Жени затерялась где-то между нереальным и ненужным.

Дело Арианы тянуло его к себе по какой-то другой причине. С тех пор, как модель умерла, Женя нервничал, работал даже больше, чем обычно, пропадал где-то ночами. Алису это напрягало, она пыталась его расспросить, но нарывалась на неубедительные заверения, что все в порядке. Она бы не отказалась лично проследить за ним, однако до родов оставалось меньше трех месяцев, Алиса была уже не в том состоянии, чтобы красться за кем-то незаметно. Ей мог бы помочь Ян, но он оказался далеко – возможно, как раз в компании той гарпии, которая теперь на нем свою подпись ставит.

Позже, когда она убирала из квартиры Женины вещи, Алиса нашла пометки о том, что у него была встреча с Арианой незадолго до ее смерти. Вот только никакой материал по мотивам той встречи Женя так и не выпустил – Алиса специально весь его портал облазила. Странное поведение для него, нетипичное... Если он собирался встретиться с Арианой как с любовницей, зачем делал себе пометки, что нужно ее о чем-то расспросить? А если это было интервью, то где оно? Не было готово до ее смерти? Так если бы Женя выпустил его посмертно, портал озолотился бы, Жильцов такое любил.

Но ни статьи, ни интервью не было, Женя с головой ушел в расследование. Не похоже это на совпадение, ну вот никак, особенно с учетом всех последующих событий. Так что записи Алиса передала полиции и еще раз повторила, над какой версией нужно работать. Ее выслушали, однако ее не покидало чувство, что всерьез так и не восприняли.

Не важно. Для Жени она сделала все, что могла – может, даже больше, чем он заслуживал. Настало время отпустить эту историю и двигаться дальше, что Алиса и сделала.

А вот история ее не отпустила.

Алиса заметила, что за ней следят. Заметила – и сама себе не поверила, решила, что это нервы шалют после всего, что выпало на ее долю за последние месяцы. Кошмары еще эти... Сколько бы она их ни игнорировала, проблему это не решало. Придется все-таки поговорить с грамотным психологом, а пока не обращать внимания на фантомы, которых создает ее воображение.

И все же недавние события ее многому научили, инстинкт самосохранения оказался сильнее желания на все закрыть глаза. Алиса вынуждена была признать, что рядом с ней все чаще мелькают какие-то странные люди. Когда она выходила в магазин, когда ездила к врачу или просто гуляла с малышкой... Они не подходили слишком близко, все время оставались где-то на границе зрения непонятными черными теньями. Другая женщина, возможно, их и вовсе не заметила бы. Однако Алиса уже не могла позволить себе быть «другой женщиной», она допустила, что за ней наблюдают.

Но почему вдруг? Да еще сейчас... Она ждала, что если за ней придут, то в самом начале, в больнице или в первые недели после родов. Полиция тоже этого ждала – не здесь ли кроется разгадка? За ней наблюдали, и преступники, кем бы они ни были, без труда это предвидели. Они выжидали, делали вид, что Алиса им не нужна, а теперь решили проявить себя.

Так ведь это же глупо! Если она ничего не рассказала сразу, то уже и не расскажет. Потому что нечего рассказывать, она ничего не видела и не слышала! Два размытых силуэта за стеной дыма – кого по таким приметам можно опознать?

Жаль только, что доказывать это было некому. Если за ней следили, делали это очень осторожно и в диалог вступить не пытались. Алисе даже не на что было жаловаться полиции, то, что кто-то ходит по одним с ней улицам, не преступление.

Однажды она возвращалась с прогулки по темноте. Было еще не поздно – но декабрьские дни всегда такие короткие, что и не заметишь. Пока она протолкала коляску по плохо очищенным дорожкам, сумерки уже сгустились. Это было не так уж страшно, ведь загорались фонари и разноцветные гирлянды в окнах. Но Алисе все равно было неуютно вот так возвращаться из темного мира в темную же квартиру, где ее никто не ждет.

И настроение лишь ухудшилось, когда она увидела, что возле двери подъезда стоит и курит какой-то мужчина, а сама дверь приоткрыта. Алиса не знала его, но это нормально: она вообще мало кого знала в этой многоэтажке. У нее не было причин беспокоиться, а беспокойство все равно накатило ледяной волной и не отступило даже тогда, когда мужчина отбросил сигарету и скрылся в подъезде.

Чего тут тревожиться, в самом деле? Просто сосед вышел покурить – как будто никогда такого не было! Если шарахаться от каждой тени, до паранойи доходить недолго.

Так что Алиса то утешала себя, то отчитывала всю дорогу до подъезда. А потом ступила в очерченное желтым светом фонаря кольцо – и дальше двинуться уже не могла. Тут она разглядела сигарету, которую выбросил ее якобы сосед. В снегу сигарета потухла, и несложно было определить, что выкурили ее лишь наполовину, а рядом с ней валялся точно такой же докуренный «бычок».

И что же в итоге получается? Этот мужчина стоял здесь, выкурил одну сигарету – а произошло это совсем недавно, иначе окурок занесло бы снегом. Потом он зажег вторую и избавился от нее, когда увидел, что Алиса с коляской приближается к дому. Вот и как это понять, норма у него такая – полторы сигареты? Ага, конечно... Алиса, как ни старалась, не могла заставить себя войти в этот подъезд, такой светлый и уютный на первый взгляд, ноги просто не слушались. Но и оставаться на улице она не могла: мороз крепчал, она замерзала, промедление становилось опасным и для Сони, укрытой парой одеял.

В тот раз ей так и не пришлось принимать решение: ее спас сосед. Не намеренно, конечно, он просто возвращался с прогулки в компании двух крупных овчарок. Алиса соврала, что не может сама поднять коляску на обледеневшее крыльцо, так было проще, чем долго и сбивчиво объяснять ему правду, которую она и сама не до конца понимала.

Сосед натянул на лицо вежливую улыбку, с которой положено помогать молодым матерям, и благородно проводил ее до квартиры. Алиса не сомневалась, что теперь он будет специально высматривать ее, прежде чем вернуться домой или выйти на прогулку, потому что тащить одновременно коляску и двух весело прыгающих псин ему совсем не понравилось.

Однако Алисе уже было не до него. Она затаилась, она всю ночь не спала, ожидая, не придет ли за ней тот незнакомец. Однако ничего плохого не произошло, и она сама себя объявила истеричной дурой.

Приговор оказался преждевременным: проблемы догнали ее через три дня. Точнее, через три ночи. После рождения ребенка Алиса спала чутко, совсем не так, как раньше. Вот и теперь она мгновенно проснулась от странного скрежета, доносившегося из прихожей. Часы показывали, что еще только четыре утра – так что списать этот звук на спешащих на работу соседей не получилось бы.

Не включая свет, стараясь даже не дышать, что было совсем уж глупо, Алиса выбралась из спальни – и обнаружила, что ей не почудилось. Скрежет доносился со стороны двери, и

ключи, вставленные в замки, чуть подрагивали. Похоже, кто-то пытался вскрыть дверь с той стороны и пока не мог...

Она не собиралась выяснять, преуспеет он или нет. Алиса юркнула обратно в спальню, заперла внутреннюю дверь, замерла возле спящей дочери и только тогда написала сообщение Яну. Почему Яну, а не в полицию – она не знала. Но ей не хотелось никуда звонить, она понятия не имела, как отреагирует взломщик, если услышит ее голос и поймет, что обнаружен. Убежит – или начнет действовать решительней, понимая, что времени осталось мало?

Ян не подвел ее, он был возле ее квартиры минут через двадцать, да не один, а в компании дежурных, которых он выдернул непонятно откуда. Алисе было не важно, что они никого не нашли, а дежурные смотрели на нее снисходительно, как на тупую бабу, которая испугалась мышиного писка. Только когда Ян оказался рядом, она осознала, насколько ей было страшно, и первые полчаса она отказывалась отпускать его, а он просто обнимал ее, ожидая, когда утихнет нервная дрожь и высохнут слезы.

Он не стал над ней смеяться. Ян лично осмотрел замок и признал, что кто-то действительно пытался проникнуть внутрь. Но замки в квартире были отличные, а Алиса еще и оставляла ключи в замочных скважинах – по старой привычке. Сегодня это ее спасло – а завтра? А послезавтра? Где вообще предел?

Притихшие дежурные по приказу Яна отправились осматривать подъезд и лестницы. На одном из лестничных пролетов они обнаружили литровую стеклянную банку, на две трети заполненную мутноватой жидкостью. Дежурные снова включили в себе юмористов, предполагая, кто же забыл анализы так наивно, да еще в таком количестве. Окончательно желание шутить отпало у всех, когда экспертиза показала, что в банке была кислота.

– Не обязательно ведь, что это связано со мной, – нервно улыбалась Алиса. – Что ее принес тот тип...

– Да, конечно, кислоту ведь часто в гости носят, сам всегда так делаю, – с показательной готовностью согласился Ян. – Может, хватит? Мы все уже попытались сделать вид, будто ничего не происходит. Но Жильцов, хотел он того или нет, связал тебя с той историей.

– Ты даже не знаешь, о какой истории идет речь!

– Буду разбираться. А тебе нельзя жить одной.

– Я не позволю тебе селиться в моем доме! – заявила Алиса.

– Я и не собирался. Я постараюсь лично разобраться в том, что происходит. А к тебе я пришлю надежного человека.

– Не надо мне никакого человека!

– Алиса, хватит упрямиться.

– Знаю я, кого ты пришлешь – Кирилла. Но чем мне поможет малолетний калека, сам подумай!

На самом деле она не считала Кирилла калекой, парень ей даже нравился. Однако именно поэтому Алиса готова была сделать все, чтобы Ян не втягивал племянника в эту историю. Есть у близнецов такая черта: использовать людей, как ресурсы, если им очень надо. Они и Алисой когда-то так пользовались... Кирилл хороший парень, но действительно молодой и неопытный, он тут не поможет, он еще и сам пострадает.

Вот только Ян и глазом не моргнул:

– Кирилл сильнее, чем ты думаешь, но я и не собирался присылать его к тебе.

– И никого присылать не надо! У меня есть деньги, я просто охрану найму.

– Ты серьезно считаешь, что вот прямо сейчас подходящее время нанимать посторонних людей?

– Тогда Дениса о помощи попрошу!

– Алиса, достаточно. Ко мне ты можешь относиться, как угодно, я заслужил это – и даже больше. Но думай не обо мне и о себе, а о дочери.

Он не сказал «нашей дочери», но упоминание Сони все равно отрезвило Алису, заставило взять себя в руки. В этом он точно прав: безопасность ребенка превыше любых капризов и задетой гордости.

– Кого ты хочешь прислать? – спросила Алиса уже спокойней.

– Увидишь.

– Нашел время для загадок! Как я вообще пойму, что человек от тебя пришел?

– Без особого труда, – заверил ее Ян. – Я не исчезаю, мне ты можешь позвонить в любой момент, Александре тоже... Алиса, ты ведь знаешь, что вся наша семья на твоей стороне?

– Да уж... Знаю.

Вопрос тут был в том, чего от семьи Эйлеров больше – проблем или пользы. Но обсуждение этого могло вывести их на очередной виток скандала, которого Алисе совсем не хотелось.

Когда Ян ушел, она снова осталась одна, и одиночество это не было таким же спокойным и комфортным, как раньше. Алиса заперла все замки, она теперь прислушивалась к каждому шороху. Она понятия не имела, как вообще решится выйти из квартиры в магазин или на прогулку, пускать в дом курьеров она тоже боялась, и ближайшее будущее представляло перед ней совсем не радостным.

Нервы были напряжены до предела, поэтому, когда через квартиру пролетела трель дверного звонка, Алиса едва со стула не свалилась. То, что к ней пришли в разгар светового дня, не спасало. Приличные люди звонят, а не вот так вваливаются! И вообще, как этот человек пробрался сразу к квартире, миновав домофон?

Так что к двери она кралась перепуганной кошкой, не издала ни звука, сначала выглянула в глазок, чтобы убедиться, что там не монстр и не маньяк с топором. Если бы визитер оказался внушающим доверие, она бы рискнула спросить, кто это и что ему нужно.

Но вопросы не понадобились, потому что за дверью она с немалым удивлением обнаружила знакомого человека – которого совсем не ожидала увидеть. Ни сегодня, ни вообще. Понятно теперь, почему так многозначительно ухмылялся Ян!

Она, не говоря ни слова, отперла замки и распахнула перед своим гостем дверь. Теперь уже настал его черед удивляться.

– Несколько наивно вот так пускать посторонних после того, как тебя кислотой полить хотели, ты не находишь?

– Ты? – только и смогла произнести Алиса.

– Да уж понятно теперь, что я. Как меня в это втянули – не спрашивай, я и сам не до конца понимаю. Начинаю подозревать, что близнецы – демоны минимум наполовину. Но о своем решении я не жалею, и, пока все это не закончится, я побуду с тобой.

Глава 4

В дневниках, сваленных в одну коробку, царил еще больший бардак, чем в голове Михаила Эйлера. Это поначалу казалось, что там все отсортировано и оформлено очень аккуратно. Любого, кто начинал вчитываться, ждал неприятный сюрприз... Да и не один.

Первое – Михаил не слишком следил за хронологией. Он мог описывать одно дело, потом отвлечься на что-то и сделать странную вставку. Понятную ему, но никак не случайному читателю. А потом он переключался на еще одну тему, все так же аккуратно и детально, но уже почти бессмысленно.

Второе – записи были отсортированы непонятно как. То ли сам Михаил, уже поддающийся болезни, перемешал их, то ли во время хранения коробка не раз падала, а ее рассыпавшееся содержимое раздраженно забрасывали обратно, как придется.

В любом случае, быстрых ответов, на которые рассчитывал Ян, тут не было. Хотелось бросить все, а он не мог. Он чувствовал: это дело было таким же важным, как убийство Жильцова. Возможно, это и есть основа всего? Евгений Жильцов был человеком расчетливым и эгоистичным, он не стал бы следить за Эйлером просто потому, что хобби у него такое. Нет, Жильцов посвятил своей игре в шпиона немало времени и сил, а уж о том, что он сделал с Алисой, и думать не хотелось. Какая причина тут нужна? От этого веяло чуть ли не кровной враждой.

Собственное прошлое Ян уже обыскал вдоль и поперек, перечитал старые дела, припомнил личные конфликты. Бесполезно. Он и Жильцов нигде и никак не пересекались, да и имя Михаила Эйлера всплыло не зря.

Жаль только, что сам Михаил оказался совершенно бесполезен. Ян съездил к нему, он снова и снова повторял отцу имена, которые нашел в записях Жильцова. Но старик смотрел на него мутными глазами и реагировать отказывался.

Вот и оставались только эти дневники, утягивающие время, как зыбучие пески. Это бесило Яна – но это же шло ему на пользу. Полная концентрация на перепутанных, пожелтевших от времени страницах позволяла отвлечься от других проблем, которых накапливалось все больше.

Он пока не мог выяснить, кто охотится за Алисой, намеков не было, следовательно, которому поручили дело Жильцова, отказывался идти на сотрудничество. Пока Ян обеспечил ей безопасность, однако все понимали, что это временная мера. Может, он и не любил ее, и он пока не решил, что чувствует по отношению к ребенку, но Алиса все равно не была ему безразлична. Он уже подвел ее один раз и не собирался делать это снова.

В клане Эйлеров опять повеяло бардаком. Как ни странно, лучше всех дела обстояли у Александры, которая пока сосредоточила всю свою пылающую энергию на Андрее, а потому оставалась нетипичной паинькой. Павел решил разводиться, он пытался наладить контакт с сыном, который уперся и контакту решительно противился. У Нины ее сожитель попробовал выкрасть сына, теперь недавней семье предстояло судиться. Ася делала вид, что все прекрасно, она бодрячком, но ее жизнерадостность была пугающе демонстративной. Ян хотел бы помочь им всем, но слабо представлял, что он может сделать.

Ну и конечно, была Ева, чтоб ее... Александра сразу предупредила его, что с Евой будут проблемы.

– И что ты предлагаешь мне делать? – устало спросил ее Ян в тот день.

– Ничего. Думаю, ты уже ничего не сможешь сделать.

– Тебе поиздеваться хочется?

– Нет, это я к тому, что будь готов просто принять все и плыть по течению, когда это начнется.

Вот только плыть по течению с Евой оказалось проблематично, потому что это было течение горной реки, которое кого угодно разобьет о камни. Она заявлялась к нему, когда хотела, а потом исчезала на дни и даже недели. Ян по-прежнему не представлял, где и с кем она живет, хотя по крупице собирал данные о ее семье. Она общалась с ним так, будто пять минут назад впервые встретила его во второсортной пивной, но при этом явно доверяла больше, чем остальным. Она вроде как давала ему то, чего он когда-то требовал от Алисы – свободные, ни к чему не обязывающие отношения, которые можно прервать в любой момент. Но когда ты, внезапно, оказываешься той стороной, которая любит больше, эти правила уже не кажутся такими привлекательными.

Признавать все это даже самому себе было на редкость неприятно, и Ян после работы уходил в чужое прошлое, как в убежище. Ева не появлялась уже три недели, так что свободного времени у него теперь хватало.

Его усилия принесли плоды, пусть и не сразу. Среди всех этих тетрадей, исписанных знакомым почерком, он наконец-то начал находить нужные. Он бы позвал сестру, но слышал, как в соседней квартире хлопнула дверь – значит, Гайю повели на прогулку, а это минимум на час. Да и не любила Александра дневники отца, она шарахалась от них с шипением, как вампир от святой воды. Так что в прошлое Михаила Эйлера Яну пришлось нырнуть в одиночестве...

...Михаил прекрасно знал, что слова Ларисы Вишняковой вполне могли оказаться неправдой. Скорее всего, так и было. Не потому, что она хотела обмануть следователя – она-то себе верила. Но разве люди не умеют обманываться? Погибшая прежде срока дочь, нелюбимый зять, не раз обижавший ее, измены и грядущий развод – таких ингредиентов вполне хватит, чтобы родилась теория заговора.

И все же отмахнуться Михаил не смог. Потому что когда он убеждал себя, что помогает восстановить справедливость, призрак собственной дочери ненадолго отступал, не мучил его так сильно.

Поэтому он начал сбор сведений о погибшей, соваться к нырнувшему в политику Борису Колесину он пока не хотел. Такое всегда чревато шумными скандалами, потому что начинающим политикам подобные скандалы очень уж выгодны. Михаилу необходимо было сначала определить, с чем он имеет дело, насколько подозрения горюющей матери близки к реальности.

И подозрения эти оказались неожиданно справедливыми. Может, совместные путешествия с мужем и стали для Елены редкостью, а вот активный отдых – точно нет. Эта женщина не просто держала себя в отличной форме, она занималась дайвингом и альпинизмом, она уверенно садилась за руль джипов и вездеходов, она гоняла по горам и среди вековых деревьев. Елена была ловкой и сильной, она не то что в больницу не попадала – не падала даже.

Между тем в отчете о том несчастном случае было сказано, что авария произошла по вине Елены. Она не справилась с каким-то жалким туристическим квадроциклом, а взорвался он уже после того, как перевернулся.

От этого веяло недосказанностью – или обманом. С чего бы ей допускать такую нелепую ошибку? Понятно, что неудачные дни бывают у всех, но не слишком ли это много? Да и взрыв... Тоже не самый типичный случай. Перевернувшийся квадроцикл может придавить своего водителя, это факт, а вот взорваться – вряд ли, причин нет.

Это пока не доказывало, что Елену действительно убили – и уж тем более, что это сделал муж. Однако причины насторожиться уже были. Если бы несчастье произошло в России, Михаил давно получил бы копии всех документов, да еще и лично допросил организаторов экскурсии. Но расстояние серьезно ограничивало его возможности. Если это действительно было убийство, организовали его грамотно, тут определенно веяло большими деньгами.

Вот поэтому Михаил все-таки преодолел себя и отправился на встречу с Колесиным. А это тоже оказалось не так просто: повода вызвать бывшего банкира на допрос не было,

Михаил надеялся, что тот просто согласится побеседовать с полицией. На всякий случай, чтобы не нажить проблем. Однако Колесин ничего не боялся – ни полиции, ни проблем. Михаилу не отказывали напрямую, ему неизменно советовали звонить завтра. Однако на следующий день «завтра» мистическим образом превращалось в «сегодня», а это уже совсем другое, вы же понимаете!..

Намек, что с ним не желают общаться, стал очевидным, как удар ботинком в лоб. Такие намеки Михаил не любил, охотничий инстинкт требовал согласиться с Ларисой Вишняковой и признать это дело нечистым. Однако опытный следователь по-прежнему не спешил. Вместо того, чтобы задействовать влиятельных знакомых и все-таки вынудить Колесина встретиться с ним наедине, Михаил отправился на пресс-конференцию начинающего политика.

А там были все, кого ему хотелось бы увидеть лично. Не только Борис, который довольным грузным шаром перекачивался перед журналистами – судя по отсутствию едких вопросов, проплаченными. Здесь же была Марина Лаурж – глава предвыборного штаба Колесина. Со слов Ларисы, еще и его любовница. Вокруг Марины, собранной, деловой, стильной и впечатляюще улыбчивой, сновал энергичный тощий студент, ее помощник. А неподалеку от сцены сидел за журнальным столиком Антон Колесин, единственный сын Бориса и Елены.

Вот этот пацан и был нужен Михаилу. Борис себя не выдаст, этот девяностые прошел – и выиграл у них. Чтоб такого расколоть, нужно очень постараться. Но его сыну двадцать шесть, управляющим банка он стал исключительно по родительской воле, с ним как раз можно поработать.

Так что пока Колесин-старший был занят, упиваясь собственным триумфом, Михаил направился к его сыну. Следователь сел за столик без предупреждения, показал удостоверение – достаточно медленно, чтобы Антон смог рассмотреть, что это такое, но слишком быстро, чтобы пацан успел прочитать и запомнить имя.

– Колесин Антон Борисович? – осведомился Михаил.

Он видел, что парень этот уже замер перед ним, будто в кресло не человек присел, а двухметровая змея плюхнулась. Это хорошо. Следователь знал, какое впечатление его взгляд производит на неподготовленных собеседников, и тут, похоже, все сработало как надо.

– Да, – кивнул малолетка. Он попытался взять себя в руки, и что-то даже получилось, но он все равно не мог скрыть, что нервничает. – А вы?..

– А я расследую убийство вашей матери и хотел бы задать вам пару вопросов.

Михаил быстро понял, что в этом случае не нужно подкрадываться медленно и говорить намеками. Нужно удвоить эффект неожиданности, нужно сразу рубить с плеча. Антон не дурак и не совсем уж младенец. Недостаток опыта будет подводить его лишь до определенного момента, потом пацан все-таки сориентируется, по нему видно. Не зря же отец передал ему все свои дела – по крайней мере, формально, Михаил не сомневался, что управлять банком по-прежнему будет Борис, просто руками сына.

Так что проверка нужна была сейчас, быстрая – и она сработала. Нет, Антон ничем не выдал правду, не сказал ничего шокирующего, но порой слова и не нужны. Парень сделал резкий вдох, он заметно побледнел, попытался улыбнуться, потому что его учили, что страх лучше всего прятать за улыбкой. Но улыбка эта сорвалась, не сработала, выдала, насколько он взволнован.

Антон выдержал неоправданно долгую паузу, прежде чем спросить:

– С чего вы взяли, что мою мать убили? Об этом никогда не шло речи!

Но долгая пауза ему не помогла: голос все равно предательски дрогнул. Антон не стал извиняться за это или оправдываться, он постепенно возвращал самоконтроль, однако для Михаила это уже не имело большого значения.

Елену убили – и пацан об этом знал. Или догадывался, но уже для таких догадок нужны серьезные основания. Знал, но никому ничего не сказал, не настоял на повторном расследовании... Это говорило все, что нужно, о человеке, который стоял за ее смертью.

– Теперь речь идет, – указал Михаил.

– Моя мать умерла случайно!

– Надо же, вы как будто оскорблены этим... Разве вы не должны спросить меня, почему вдруг возобновилось расследование?

– Простите, это просто слишком большой шок, – смущенно улыбнулся Антон, и на этот раз улыбка получилась вполне убедительной. – Такое горе... Вы должны понимать: когда происходит такое горе, хочется побыстрее его миновать и жить дальше!

Она снова была рядом... Его личный белый призрак, едва уловимая тень, рисунок акварелью. Александра, наблюдающая за ним, осуждающая его – за то, что он предал, чтобы остальные могли поскорее миновать ее смерть и жить дальше.

Михаил на секунду прикрыл глаза, отгоняя видение. Не время, не сейчас.

– Да, я понимаю, – кивнул он. – Но давайте сосредоточимся не на личном спокойствии, а на справедливости.

– Своим же заветам не следуешь, – шепнул голос Александры ему на ухо.

Он снова не поддался, Михаил не сводил испытующего взгляда с Антона.

– Почему это вообще вдруг началось? – поинтересовался Антон.

– По просьбе семьи.

– Что?.. Но ведь мы ее семья!

– Не единственная. Антон, расскажите мне, что произошло с вашей матерью.

– Так, стоп, – нахмурился Колесин-младший. – Это так не работает, не должно работать!

– И снова не совсем типичная реакция. Почему вы так не хотите защитить память своей матери? Ведь если ее убили, виновный уверен, что ушел безнаказанным. Разве вас это не задает? А почему?

– Я не говорил, что меня это не задает! Я не... То есть...

Надо же, надавить на него оказалось даже проще, чем ожидал Михаил. Может, Антону и дали хорошее образование – но в слишком уж тепличных условиях. Так что эта встреча могла принести следователю неожиданную пользу, если бы не была прервана тихим, но решительным женским голосом.

– Что, простите, здесь происходит?

Марина Лауж подкралась к ним незаметно, как охотящаяся львица. О ней Михаил пока знал не так много, но уже то, что он видел, впечатляло. На вид ей было лет сорок, высокая, сухощавая, внешность обычная, но очень ухоженная, да и чувство стиля определенно есть. Волосы Марина стригла коротко и оттеняла в платиновый блонд, губы красила алой помадой, помогавшей сделать ее отработанную улыбку особенно привлекательной. За счет этого даже небольшие глаза не становились недостатком, а уж прочитать ее взгляд и вовсе могли бы немногие. Обывателям Марина наверняка казалась бесконечно очаровательной, душевной и достойной доверия. Михаил же подозревал, что в теле вечно довольной всем дамы притаился бультерьер.

– Это из полиции, – поспешил пояснить Антон. – Расследуют смерть мамы...

– Вот как? – удивилась Марина. – Впервые слышу.

– Вы и не должны были слышать об этом, вы же не член семьи, – напомнил Михаил.

– Не совсем так, мы вместе работаем, много лет знакомы, Леночка была моей близкой подругой. Я лично следила за тем, чтобы в ее смерти разобрались. Только вот не в чем там было разбираться! Все проверки показали: это просто несчастный случай. И я не совсем понимаю, зачем вы бередите старую рану.

– Не такую уж старую – всего год прошел.

– Да, но период очень уж неудачный. Вы же видите, чем теперь занят Борис, – Марина кивнула на журналистов. Некоторые уже косились в их сторону, но подходить пока не решились.

– Это занятие не помешало ему неоднократно упоминать смерть жены как доказательство собственной стойкости. Если он действительно так вынослив, думаю, и расследование он поддержит.

– Я могу взглянуть на ваши документы?

– Какое странное отношение у вас всех к расследованию, – заметил Михаил.

– Скорее, к людям, которые приходят в странное время и задают странные вопросы. Так вот, документы?..

– Думаю, нам лучше поговорить в другое время, раз уж сегодня обстоятельства не способствуют. Я с вами свяжусь.

– Надеюсь, оно того стоит, – прищурилась Марина.

– Думаю, да.

Было ли это бегством с его стороны? В принципе, да, но Михаил признавал, что иногда нужно отступить. Он слишком рано обрадовался, почувствовав слабость в Антоне. Марина же была существом совершенно иного типа, с такой лучше связываться после определенной подготовки.

И вот теперь он собирался готовиться – уже не потому, что его попросила Лариса Вишнякова, а потому, что он почти не сомневался: Елену Колесину просто убрали с дороги, когда она превратилась в помеху. Убрали так ловко и быстро, что все приняли ее смерть за чистую монету и смирились. Вот это Михаил как раз собирался изменить...

...Ян невольно усмехнулся, откладывая тетрадь с записями в сторону. Он никогда не был по-настоящему близок с отцом, а после исчезновения Александры их отношения и вовсе перешли в стадию холодной войны, то и дело вспыхивавшей скандалами. Но в том, что Михаил был талантливым следователем, Ян никогда не сомневался. Он многое замечал, умел, знал, великолепно балансировал между тем, что можно доказать, и интуицией. Так что если он вцепился в эту семейку, то уже не оставил бы их в покое. Вопрос только в том, как в это же дело вляпался Жильцов – и почему оно стало таким важным для него. А может, это не одно дело? Имена оказались рядом случайно, Ян пошел по ложному следу?

Чтобы понять это, нужно было продолжать, читать дальше, искать продолжение в других тетрадях. Этим Ян и собирался заняться, когда услышал, как в прихожей щелкнул замок, а секундой позже зажегся свет.

Такого он не ожидал. Дверь открыли быстро – слишком быстро для взлома, да и не отличаются взломщики привычкой сразу выдавать свое присутствие включенным светом. Получается, в прихожую вошли по-хозяйски, а сделать это могла лишь Александра. Вопрос в том, зачем сестре являться к нему так внезапно, да еще и без предупреждения.

– Что случилось? – спросил Ян, поднимаясь ей навстречу.

Гостья не стала таиться в прихожей, очень скоро она появилась возле приоткрытой двери. Только вот это была не Александра.

– Компании захотелось, – с неизменным равнодушием сообщила Ева. – В живот ножом ткнули. Видимо, это располагает к сентиментальности. Решила навестить тебя.

– Стой, подожди... Что? Ножом? Ты шутишь?

– Нет.

Ей, видимо, казалось, что она сказала достаточно, объяснять больше нечего. Пока Ян пытался прийти в себя, Ева сняла чуть припорошенную снегом шубку и повесила в прихожей, там же стянула меховые сапожки. В гостиную она вошла в свободном белом свитере, короткой

шерстяной юбке и плотных колготках – с зимой не рисковала спорить даже она. Ева уселась на диван и, закинув ногу за ногу, испытующе посмотрела на Яна.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.